

**КИМ
ХАРРИСОН**

ХОЛОД СТРАХА

**МЕРТВАЯ ВЕДЬМА
ПОШЛА ПОГУЛЯТЬ**

Рэчел Морган

Ким Харрисон

Мертвая ведьма пошла погулять

2004

Харрисон К.

Мертвая ведьма пошла погулять / К. Харрисон — 2004 — (Рэчел Морган)

Закон Вампирского Кодекса гласит: «Тот не вампир, кто убьет вампира». Но разве современные «ночные охотники» помнят о законе Кодекса? В криминальном мире нежити славного своей преступностью городе Цинциннати клан идет на клан и вампир – на вампира. Если же добавить к происходящему еще и разборки враждующих стай оборотней и воюющих ведьмовских ковен, становится очевидно: полиция явно не способна справиться с подобным «контингентом». Значит, здесь начинается работа для стрелка Рейчел Морган – охотницы за наградами в лучших традициях вестерна и достойной наследницы Аниты Блейк и Гарри Дрездена!

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	38
ГЛАВА ПЯТАЯ	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ	53
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	61
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ким Харрисон

Мертвая ведьма пошла погулять

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я стояла в тени витрины закрытого магазина напротив бара «Кровь и варево», стараясь незаметно подтянуть черные кожаные штаны на подходящее им место. «Какое убожество», – думала я, озирая опустошенную дождем улицу. Для такого вшивого задания я была слишком хороша.

Моей обычной работой было задержание нелегальных и черных ведьм, ибо для поимки ведьмы требуется именно ведьма. Однако на этой неделе улицы были тише обычного. Все, кто смог туда добраться, были сейчас на Западном побережье, где проходил наш ежегодный съезд. А мне осталось это роскошное задание, будь оно трижды проклято. Просто «хватай и тащи». Сюда, в темноту и под дождь, меня не иначе как фортуна Поворота поставила.

– Кого я дурачу? – прошептала я себе под нос, подтягивая на плечо лямку сумочки. Меня уже целый месяц не посылали арестовать ведьму – ни лишнюю лицензию, ни черную, ни белую, ни в крапинку. Вообще никакую. Пожалуй, приводить сыночка нашей градоначальницы на сборище оборотней в полнолуние было не самой лучшей идеей.

Поблескивающая машина вывернула из-за угла, представляясь иссиня-черной под ртутным уличным фонарем. Эта машина делала уже третий круг по кварталу. По мере того, как она, тормозя, приближалась, мое лицо все сильнее кривилось к недовольной гримасе.

– Проклятье, – прошептала я. – Надо было выбрать местечко потемнее.

– Он тебя, Рэчел, за шлюху принял, – захихикал мне в ухо наводчик. – Я же тебе говорил, что в этом красном недоуздке ты форменная проститутка.

– А тебе, Дженкс, никто никогда не говорил, что от тебя как от пьяной летучей мыши воняет? – пробурчала я в ответ, едва шевеля губами. Наводчик этой ночью был ко мне до неловкости близко, восседая на одной из серег. Большая такая, свисающая штуковина – серьга, понятное дело, а не феек. Я уже давно считала Дженкса претенциозным сопляком дурного нрава и соответствующего поведения. Однако он хорошо знал, с какого участка сада поступает его нектар. Кроме того, фейки составляли максимум того, что мне позволялось брать с собой после того инцидента с лягушкой. Я могла бы поклясться, что фее с ее размерами нипочем в лягушачью пасть не влезть.

Услышав, как машина с хлопаньем останавливается на мокром асфальте, я осторожно двинулась вперед. Автоматическое тонированное стекло передней дверцы с воем опустилось. Нагибаясь к окну и показывая мистеру Однобровому свое служебное удостоверение, я нацепила на лицо самую что ни на есть милейшую улыбку. Из взгляда мистера мигом испарилась вся плотоядность, а физиономия его посерела.

– Однодневка, – с презрением бросила я и тут же в приступе укоризны подумала: «Нет, так не стоит». Да, он был нормалом, обычным человеком. Пусть даже такие определения, как «однодневка», «домосед», «размазня», «готовенький» и (самое мое любимое), «закуска», были точны, их следовало тактично осуждать. Впрочем, если этот мистер снимал гулящих с тротуаров Низин, его уже можно было считать покойником.

Машина даже не тормознула, проносясь на красный свет, а я обернулась на пронзительный свист проституток, которых я на закате солнца отсюда сместила. Они были явно недовольны, стоя на противоположном от меня углу.

Я сделала им ручкой, а самая высокая из шлюх показала мне средний палец, прежде чем повернуться и продемонстрировать мне свою крошечную, уменьшенную заговором задницу.

Эта проститутка и ее здоровенный на вид «котяра» громко общались, стараясь незаметно передавать друг другу сигарету. Ручаюсь, эта сигарета обычным табаком даже не пахла. «Ладно, сегодня ночью это не моя забота», – подумала я, снова отодвигаясь в тень.

Прислонившись к холодному камню здания, я задержала взгляд на красных подфарниках машины, пока та тормозила. Затем, нахмутив брови, придирчиво оглядела себя с ног до головы. Довольно высокая для женщины (где-то пять футов восемь дюймов), но далеко не такая длинноногая, как женщина в соседней лужице света. И косметики на мне было гораздо меньше. Не сказала бы также, что плоская грудь и узкие бедра делали меня особо заманчивой проституткой. Прежде чем я нашла специальные торговые точки для лепреконов, мне приходилось ходить в магазин «Твой первый лифчик». А там очень сложно найти товар без всяких там сердечек и единорогов.

Мои предки еще в 1800-х годах эмигрировали в старые добрые США. Станным образом на протяжении всех поколений все женщины моего рода умудрялись сохранять отчетливо-рыжие волосы и зеленые глаза своих ирландских предков. Мои веснушки, однако, были спрятаны благодаря заговору, подаренному мне отцом на тринадцатилетие. Все получилось благодаря такому крошечному амулету, спрятанному в розовом колечке. Без этого самого колечка я с тех пор вообще из дома не выхожу.

Испустив очередной тяжкий вздох, я подтянула сумочку на плечо. Вообще-то кожаные брюки, красные сапожки, а также что-то вроде недоуздка из полосок толщиной со спагетти были не так уж далеки от того, что я обычно ношу по пятницам, желая подразнить начальство... Но выходить в таком прикиде на улицу, да еще ночью...

– Проклятье, – буркнула я Дженксу. – Я и впрямь выгляжу как проститутка.

Ничем, кроме фырканы, наводчик мне не ответил. Для ранних пташек было еще слишком дождливо, а потому, не считая наводчика и «дам» на другом углу, улица оставалась пуста. Я уже почти час проторчала здесь без всяких намеков на мою мишень. С таким же успехом я могла зайти и «Кровь и варево» и подождать там. Кроме того, находясь в баре, я гораздо скорее смогла бы оказаться объектом приставаний, а не наоборот.

Решительно переведя дух, я потянула за пару-другую прядей из пучка волос у меня на макушке, потратила несколько секунд на то, чтобы искусно их расположить, и наконец сплюнула резинку. Цоканье моих каблучков шло резким контрапунктом к позвякиванию наручников у меня па поясе, пока я шагала по влажному тротуару и заходила в бар. Стальные браслеты казались довольно кричащей принадлежностью моего наряда, зато они были самыми что ни на есть настоящими и уже не раз побывали в деле. Ничего удивительного, что мистер Однобровый остановился. Нижайше благодарю, но это исключительно для работы, а не для того, о чем вы подумали.

И все же меня послали в Низины, чтобы надеть наручники на одного лепрекона за уклонение от уплаты налогов. «Неужели, – задумалась я, – можно пасть еще ниже?» Должно быть, вес получилось из-за ареста того Всевидящего пса на прошлой неделе. Откуда мне было знать, что он вервольф? Данному мне описанию он вполне соответствовал.

Стоя в тесном предбаннике и стряхивая с себя сырость, я пробежала глазами по типичным ерундистским принадлежностям ирландского бара: длинным курительным трубкам, прилепленным к стенам, зеленым подставкам под кружки, черным виниловым сиденьям и крохотной эстраде, на которой среди целой башни усилителей со своими цимбалами и волынками возилась будущая звезда «айриш фолка». Попахивало там контрабандной «серой». Мои хищнические инстинкты мигом зашевелились. Арестуй я поставщика, начальство наверняка вычеркнуло бы меня из черного списка. Пожалуй, оно даже дало бы мне что-то достойное моих талантов.

– Привет, – прохрипел низкий голос. – Ты вместо Тоби пришла?

Отбросив в сторону мысли о поставщике «серы», я невинно захлопала глазами и повернулась, оказываясь лицом к чьей-то ярко-зеленой футболке. Затем мои глаза пошли вверх, обнаруживая могучего медведя в человеческом облике. Вышибала, не иначе. Надпись на футболке гласила БЫК. Лучше не скажешь.

– Вместо кого? – промурлыкала я, низом его футболки вытирая от дождя то, что я обычно зову своей ложбинкой между грудей. Хотя это скорее плоскогорье. На Быка, к моему вящему разочарованию, игривый жест никак не подействовал.

– Вместо Тоби. Нашей официальной проститутки. Не знаешь, она еще когда-нибудь здесь появится?

От моей серьги донесся еле слышный напевный голосок:

– Я же тебе говорил.

– Не знаю, – процедила я сквозь зубы. – Я не проститутка.

Бык снова хмыкнул, оглядывая весь мой наряд. Тогда я порылась у себя в сумочке и вручила ему служебное удостоверение. Любой, кто бы за этим процессом понаблюдал, наверняка решил бы, что он меня шмонает. С имеющимися наготове чарами сокрытия возраста это было обязательно – этой цели служил амулет проверки заклятий, что висел у Быка на шее. Откликаясь на мое розоватое кольцо, амулет засветился красным. Однако полной проверки Быку проводить не полагалось, а потому все амулеты у меня в сумочке пока что оставались не задействованными. Впрочем, сегодня ночью я в них особо и не нуждалась.

– Внутриземная Безопасность, – сказала я, отдавая ему карточку. – У меня здесь задание. Надо кое-кого найти, но не досаждать вашей регулярной клиентуре. Вот зачем эта... гм... маскировка.

– Рэчел Морган, – вслух прочел Бык, почти скрывая своими толстыми пальцами ламинированную карточку. – Агент Внутриземной Безопасности. Так ты агент ВБ? – Он перевел взгляд с карточки на меня и обратно, после чего его толстые губы расплылись в улыбке. – А что у тебя с, волосами? На паяльную лампу случайно налетела?

Я возмущенно поджала губы. Фотография была трехлетней давности. Никакой паяльной лампы – просто розыгрыш, неформальный обряд вступления в статус полноценного агента ВР. Очень было забавно.

Феек слетел с моей серьги, оставляя ее безумно раскачиваться.

На гноем месте я бы следил за своим языком, – скачал он вышибале, наклоня голову и внимательно разглядывая удостоверение. – Последний здоровила, который посмеялся над ее фотографией, целую ночь в травм пункте провел. Ему миниатюрный зонтик из ноздри вынимали.

На душе у меня потеплело.

– Так ты про это знаешь? – спросила я у Дженкса, хватая свою карточку и засовывая ее на место.

– Про это каждая собака в конторе знает. – Феек радостно рассмеялся. – Как и про попытку взять того вервольфа чесоточным заклинанием. После чего ты его в мужском сортире ушами прохлопала.

– Сам попробуй взять вервольфа почти в полнолуние, и чтобы он тебя не укусил, – обидчиво отозвалась я. – Все не так просто, как кажется. Мне пришлось зелье использовать, а оно очень дорого стоит.

– В связи с чем ты чуть ли не всех пассажиров того автобуса волос лишила? – Стрекозиные крылышки фейка аж покраснели от смеха. Облаченный в черный шелк, с красной банданой на голове, он напоминал миниатюрного Питера Пэна, прикидывающегося главарем одной из городских банд. Четыре дюйма блондинистой достачи и исключительно паскудного нрава.

– Это была не моя вина, – сказала я. – Шофер угодил в выбоину. – Тут я помрачнела. Кто-то к тому же похимичил с моими заклинаниями. Я пыталась спутать шоферу ноги, а в итоге

сняла с него волосы. Лысыми также стали все пассажиры в трех первых рядах. В конечном итоге своего клиента я взяла, хотя и истратила как минимум трехмесячную зарплату на такси, пока тот автобус снова меня не подобрал.

– А та лягушка? – Дженкс порхал туда-сюда, пока вышибала тщетно пытался шелкнуть его пальцем. – Я единственный, кто сегодня ночью согласился с тобой пойти. Да и то лишь потому, что я прибавку за риск получаю.

На Быка все это, похоже, никакого впечатления не произвело. Я пришла в легкое смятение.

– Послушай, – сказала я ему. – Я просто хочу посидеть здесь и выпить. Все тихо-мирно. – Я кивнула в сторону эстрады, где музыкальный юнец тянул какие-то провода от своих усилителей. – Когда все это дело начнется?

Вышибала пожал плечами.

– Он новенький. Думаю, типа через час. – Раздался грохот, а затем бурные аплодисменты, когда один из усилителей рухнул с эстрады. – Нет, скорее типа через два.

– Спасибо. – Не обращая внимания на звонкий смех Дженкса, я по извилистой дорожке пробралась мимо пустых столиков к ряду более темных кабинок. Выбрав ту, что находилась как раз под прибитой к стене лосиной головой, я утонула в мягком сиденье на три дюйма глубже, чем следует. Как только я выявлю мелкого нарушителя закона, я немедленно отсюда уйду. Я уже три года служила в ВБ – семь лет, если считать четыре года практики, – и вот, пожалуйста, оказалась здесь, опять выполняя работу практиканта.

Именно практиканты проделывали будничное и каждодневное полицейское обслуживание Цинциннати и его крупнейшего пригорода за рекой, нежно именуемого Низинами. Мы занимались разным сверхъестественным материалом, с которым не могло справиться целиком укомплектованное обычными людьми ФВБ – Федеральное Внутриземное Бюро. Мелкие правонарушения, связанные с заговорами и вызволением народа из разных колдовских неприятностей, составляли сферу компетенции интерна. Но черт побери – я уже была полноценным агентом. Я годилась кое на что получше. И уже реально проделывала кое-что получше.

Именно я в одиночку выследила и арестовала целую шайку темных ведьм, которые в обход охранных заговоров зоопарка Цинциннати похищали оттуда мартышек и продавали их в подземную биологическую лабораторию. Но разве удостоилась я за эту работу хоть какого-нибудь признания? Нет, нет и нет.

Именно я выяснила, что тот псих, который откапывает трупы на одном из местных кладбищ, напрямую связан с внезапным наплывом смертей в отделении по пересадке органов одной из укомплектованных человеческим персоналом больниц. Все предполагали, что он собирает материал для изготовления нелегальных амулетов. На самом же деле негодяй посредством заклинаний заставлял органы временно функционировать, после чего продавал их на черном рынке.

А те кражи из торговых автоматов, что, точно чума, преследовали город в прошлое Рождество? Мне пришлось нацепить на себя сразу шесть амулетов, чтобы выглядеть как мужчина, но ту ведьму я в конечном итоге все-таки изловила. Чтобы грабить наивных людишек, она использовала сочетание любовного амулета с заклинанием беспамятства. Это был особенно приятный для меня арест. Я три улицы за мной гналась, и времени бросить заклинание просто не находилось. А потом она вдруг повернулась и швырнула в меня предположительно смертоносный амулет, так что с моей стороны было вполне обоснованно вырубить ее пинком типа карате. Вдобавок ФВБ уже три месяца безуспешно разыскивало ее по округе, а у меня ушло всего двое суток на то, чтобы по всем правилам ее повинтить. Я заставила доблестных сотрудников ФВБ выглядеть круглыми идиотами, но разве получила я за это хоть какую-то похвалу? Скажем, «славная работа, Рэчел»? Разве оплатили мне обратную поездку в цитадель ВБ с распухшей от пинка ногой? Нет, нет и еще раз нет.

А в последнее время я получала еще более завалившие задания: малолеток, посредством заклинаний ворующих кабельное телевидение, кражи талисманов, заговоры шалости ради. И, наконец, удостоилась самой замечательной миссии, которой мне никогда не забыть. Мне велели выкурить троллей из-под мостов и из водопропускных труб, пока они там весь строительный раствор не сожрали. Тяжкий вздох вырвался из меня, пока я оглядывала бар. Какое убожество!

Снова пристраиваясь у меня на серье, Дженкс легко уклонился от моих вялых попыток его прихлопнуть. То, что за участие в моих заданиях ему платили втрое, ничего хорошего не сулило.

Прискакала облаченная во все зеленое официанточка, пугающе бойкая для такой рани.

– Привет! – прошептала она, демонстрируя белые зубки и ямочки на щеках. – Меня зовут Дотти. Сегодня ночью я буду вас обслуживать. – Сплошная улыбка, официанточка поставила передо мной три бокала: «кровавую Мэри», «старое доброе» и «ширли-темпл». Как славно!

– Спасибо, милочка, – сказала я, испуская пресыщенный вздох. – От кого они?

Официанточка указала глазами в сторону стойки, пытаюсь запечатлеть на мордашке скучающую умудренность, но выглядя вместо этого сущей старшекласницей на танцуйках. Заглянув за ее тонкую талию, аккуратно перехваченную фартучком, я внимательно оглядела трех алкашей. Похоть в глазах, жеребцы в штанах. Такова была старая традиция. Принимая бокал, я одновременно принимала стоящее за ним предложение. Вот еще одно, о чем мисс Рэчел следовало позаботиться. Три алкаша выглядели совсем как нормалы, но кто мог знать?

Не предвидя никакого продолжения разговора, Дотти ускользнула по своим официанточьим делам.

– Проверь их, Дженкс, – прошептала я, и феек упорхнул к стойке. Крылышки его покраснели от возбуждения. Отбытия Дженкса никто не заметил. Феечная разведка в лучшем виде.

В заведении было тихо, но поскольку за стойкой работало Два бармена, пожилой мужчина и молодая женщина, я догадалась, что вскоре народ сюда подтянется. «Кровь и варев» было известным злачным местом, куда нормалы ходили общаться с Внутриземцами, прежде чем умотать обратно за реку. Там они, приятно возбужденные и считающие, что круто повеселились, плотно запирали двери и окна. И, хотя отдельные нормалы выделялись среди Внутриземцев как прыщи на лице королевы студенческого бала, отдельный Внутриземец мог с легкостью выдать себя за нормала. Эта функция выживания была идеально отточена еще со времен Пастера. Вот зачем мне требовался феек. Феи и фейки могли в буквальном смысле почуять Внутриземца раньше, чем я успела бы сплюнуть.

В очередной раз я равнодушно оглядела почти пустой бар. Однако мое кислое выражение мигом сменилось улыбкой, стоило мне только приметить знакомое лицо из нашей конторы. Айви.

Айви была вампиршей, подлинной звездой среди всех агентов ВБ. Мы познакомились несколько лет тому назад, когда у меня шел последний год практики, и объединились на пару полунезависимых заданий. Айви тогда только-только взяли на работу как полноценного агента, предпочтя ее шесть лет университета моим двум годам колледжа и четырем практики. Думаю, сделать из нас напарниц показалось кому-то хорошей шуткой.

Перспектива работы с вампиршей – неважно, живой или мертвой – пугала меня до смерти, пока я не выяснила, что Айви не была практикующей вампиршей и совсем откристилась от питья крови. Мы были непохожи в той мере, в какой вообще могут быть непохожи две женщины, однако ее сильные стороны были моими слабостями. Хотела бы я сказать, что ее слабости были моими сильными сторонами, но у Айви вообще не имелось никаких слабостей – если не считать склонность делать развлечение из всего на свете.

Потом мы несколько лет работали по отдельности, однако, несмотря на крайне неохотно данное мне повышение, Айви все равно превосходила меня по рангу. Она знала все правильные слова, которые следовало сказать всем необходимым людям во все нужные времена. Помогало также и то, что Айви происходила из семьи Тамвудов, фамилии столь же древней, что и сам Цинциннати. Она являлась последним живым ее представителем, наделенная душой и не менее живая, чем я, зараженная вампирским вирусом от ее ныне мертвой матушки. Этот вирус проник в Айви еще во время ее пребывания в материнской утробе, обеспечивая ее связью как с миром живых, так и мертвых.

Заметив мой кивок, Айви неспешно направилась к моему столику. Все мужчины в баре принялись толкать друг друга локтями, и трое моих кавалеров также повернулись оценивающе на нее посмотреть. Айви окинула их пренебрежительным взглядом, и я могла бы поклясться, что услышала усталый вздох.

– Как дела, Айви? – спросила я, пока она опускалась на скамью напротив меня.

Виниловое сиденье заскрипело, когда Айви поудобней устроилась в кабинке, откидываясь назад. Шпильки ее высоких ботинок оказались на длинной скамье, а колени высунулись из-под стола. Айви была выше меня на полголовы, но там, где я выглядела просто высокой, от нее так и исходило знойное изящество. Слегка восточный разрез глаз придавал Айви загадочный вид, подтверждая ту мою точку зрения, что все супермодели как пить дать вампириши. Она и одевалась как супермодель: скромная кожаная юбка и шелковая блузка, всегда самой современной, самой вампирской модели; понятное дело, и юбка, и блузка черные. Волосы Айви лились вниз плавной черной волной, оттеняя бледное, овальной формы лицо. Что бы она со своими волосами ни делала, они всегда выглядели по-настоящему экзотично. Со своими я могла возиться часами – и всякий раз выходили просто рыжие кудряшки. Возле Айви мистер Однобровый никогда в жизни бы не остановился – слишком уж классно она смотрелась.

– Привет, Рэчел, – сказала Айви. – Что подельываешь в Низинах? – Голос ее был низким и мелодичным, напоминая всю тонкую плавность серого шелка. – А я думала, ты на этой неделе где-нибудь на побережье себе рак кожи зарабатываешь, – добавила она. – Что, Денон по-прежнему бесится из-за того пса?

Я смущенно пожала плечами.

– Да нет. – На самом деле мой начальник чуть тогда со злости на дерьмо не сошел. Я была всего в одном шаге от должности конторской уборщицы.

– Это была вполне простительная ошибка. – Айви медленно и лениво запрокинула голову, обнажая всю длину своей изящной шеи. Там не было ни единого шрама. – Любой мог бы ее допустить.

«Кроме тебя», – кисло подумала я.

– В самом деле? – спросила я вслух, подталкивая к Айви бокал с «кровавой Мэри». – Ладно, дай мне знать, если мою мишень засечешь. – Я побренчала амулетами у себя на запястье, касаясь клевера, вырезанного из древесины оливкового дерева.

Тонкие пальцы Айви согнулись вокруг бокала, словно бы его лаская. Эти же самые пальцы с легкостью могли сломать мою кисть, приложи Айви небольшое усилие. Впрочем, ей придется подождать, пока она умрет, прежде чем она сможет сломать мне кисть вообще без всяких усилий. И вес равно Айви была намного сильнее меня. Половина ярко-красного напитка исчезла у нее в горле.

– С каких это пор ВБ лепреконами интересуется? – спросила Айви, разглядывая остальные амулеты.

– С тех пор, как у начальства ум за разум зашел.

Айви пожала плечами, вытягивая из-под блузки распятие, чтобы вызывающе пробежать металлическим колечком по белоснежным зубам. Ее клыки были остры, как у кошки, хотя и не длиннее моих. После смерти Айви получит удлиненную версию. Я заставила себя отвести от

них глаза, разглядывая вместо этого металлический крест. Выполненный из прекрасно обработанного серебра, он был длиннее моей ладони. Айви лишь в последнее время начала его носить, желая досадить своей матушке. Их отношения оставляли желать лучшего.

Я пощупала крошечный крестик у себя на стальных манжетах, задумываясь о том, как, должно быть, тяжело общаться со своей матушкой, если она немертвячка. За всю свою жизнь я встречала всего лишь нескольких мертвых вампиров. По-настоящему старые избегают появления в обществе, а новые склонны выставляться лишь до тех пор, пока не привыкнут избегать появления в обществе.

Мертвые вампиры полностью лишены какой-либо совести, являясь воплощениями безжалостного инстинкта. Законам общества они следуют по одной-единственной причине – им нужен корм. И мертвые вампиры хорошо знают законы. Их дальнейшее существование зависит от законов, которые, будь им брошен вызов, означают смерть или боль. Самый главный из этих законов – это, безусловно, не появляться на солнце. Для сохранения здравого рассудка вампирам ежедневно нужна кровь. Им годится любой, и брать кровь у живых составляет их единственную радость. Мертвые вампиры поразительно могучи, обладая невероятной силой и выносливостью, а также способностью вылечиваться со сверхъестественной быстротой. Их очень тяжело уничтожить, не считая традиционного обезглавливания и прокалывания сердца осиновым колом.

В обмен на душу мертвые вампиры получают шанс на бессмертие. И этот шанс приходит вместе с потерей всякой совести. Самые старые вампиры утверждают, что в этом-то и есть самый смак: получить способность удовлетворить свои плотские потребности и не испытать никакого чувства вины, когда кто-то умрет, чтобы дать тебе удовольствие и еще день продержаться тебя в здравом рассудке.

Айви одновременно обладала и вампирским вирусом, и душой, пребывая в ловушке на нейтральной территории, пока она не умрет и не сделается немертвячкой. Даже не будучи столь могучей и опасной, как мертвый вампир, Айви все же имела возможность ходить под солнцем и поклоняться без боли, отчего ее мертвые собратья ей завидовали.

Металлические колечки ожерелья Айви ритмично защелкали на фоне жемчужных белков ее глаз, и я с заученной сдержанностью проигнорировала ее чувственность. Айви нравилась мне куда больше, когда солнце сияло в небе, и она лучше контролировала свои манеры сексуальной хищницы.

Мой феек вернулся, садясь на искусственные цветы в вазе, полной сигаретных окурков.

– Боже мой, – вымолвила Айви, роняя свой крест. – Феек? Денон, должно быть, жуть как озлился.

Крылышки Дженкса на мгновение замерли, прежде чем опять неистово задвигаться, сливаясь в одно пятно.

– Иди-ка ты в баню, Тамвуд! – визгливо отозвался он. – Думаешь, только у фей нюх имеется?

Я нервно вздрогнула, когда Дженкс тяжело сел на мою серьгу.

– Для мисс Рэчел всегда только самое лучшее, – сухо сказала я. Айви рассмеялась, и волоски у меня на загривке зашевелились. Да, я скучала по престижу работы с Айви, но порой она по-прежнему доводила меня до белого каления. – Если ты думаешь, что я помешаю тебе с твоей мишенью, я могу отсюда уйти, – добавила я.

– Нет, – сказала Айви. – Ты мне не помеха. У меня тут всего лишь пара вязальных спиц в туалет загнана. Я застучала их за подстрекательством к внесезонной игре. – Соскользнув к краю скамьи и не выпуская из руки бокал, она с явным чувственным напряжением там встала. Почти неслышный стон выскользнул у нее из груди. – На вид они слишком дешевые, чтобы заклинанием переноса обзавестись, – добавила Айви, немного помолчав. – А на всякий случай у меня там снаружи большая сова. Если они разобьют окно и попытаются смыться, она

живо их прожует. Я здесь просто жду, пока они выйдут. – Потягивая «кровавую Мэри», Айви внимательно наблюдала за мной поверх ободка бокала. – Если успеешь вовремя свою мишень изловить, может, такси в центр города на двоих поделим?

Легкий намек на некую опасность в голосе Айви заставил меня уклончиво кивнуть, пока она уходила. Нервно теребя пальцами свисающий завиток, я решила, что сперва прикину, что она сейчас из себя представляет, прежде чем заберусь вместе с ней так поздно ночью в такси. Да, верно, для выживания Айви кровь теперь могла и не требоваться, однако было очевидно, что она по-прежнему ее жаждала. Публичная клятва о воздержании могла таким образом оказаться побоку.

Одному из алкашей у стойки были принесены соболезнования, когда рядом с моим локтем осталось только два бокала. Дженкс все еще писклявым голоском выражал свой гнев.

– Расслабься, Дженкс, – сказала я ему, заботясь о сохранности своего уха и серьги. – Феек в качестве наводчика очень даже меня устраивает. Феи без особого разрешения от профсоюза даже на корточки не садятся.

– А, ты заметила? – почти прорычал Дженкс, непрерывно помахивая крылышками и щекоча мне ухо. – Всего лишь из-за какого-то причудливо-придурковатого стихотворения, написанного еще до Поворота одним пьяным жирягой, они считают себя лучше нас. Реклама, Рэчел. Вот в чем все дело. Главное – вовремя кому надо лапу подмазать. А известно тебе о том, что феи за одну и ту же работу больше фейков получают?

– Брось, Дженкс, – сказала я, смахивая с плеча волосы. – Скажи лучше, что там у стойки творится.

– А как тебе та картинка? – продолжал феек о своем, пока моя серьга вовсю раскачивалась. – Ты ее видела? Как один из человеческих сопляков на фейскую студенческую вечеринку вломился? Те феи были так пьяны, что даже не поняли, что они с человеком танцуют. И тем не менее они по-прежнему получают повышенные гонорары.

– Заткни фонтан, Дженкс, – резко произнесла я. – Кто там у стойки?

Послышалось еле слышное пыхтение, и моя серьга закрутилась.

– Кандидат номер один – личный тренер по легкой атлетике, – проворчал феек. – Кандидат номер два чинит кондиционеры, а кандидат номер три – газетный репортер. Однодневки. Все трое.

– А как насчет того парня на эстраде? – прошептала я, стараясь не смотреть в ту сторону. – В ВБ мне дали только примерное описание, поскольку наша мишень, скорее всего, применяет маскировочный заговор.

– Наша мишень? – переспросил Дженкс. Ветер мигом пропал из его крыльев, а гнев – из его голоса.

Я решила за это зацепиться. Возможно, Дженксу всего лишь требовалось, чтобы его подключили к делу.

– Почему бы его не проверить? – предложила я вместо того, чтобы потребовать. – Этот парнишка, похоже, не знает, с какого конца ему в свои волынки дуть.

Дженкс изрыгнул краткий смешок и загудел прочь уже в лучшем настроении. Братание агента с наводчиком несколько удручало, но что, в самом деле, за черт? Дженксу заметно полегчало, а у моего уха появился шанс к восходу солнца остаться в целости и сохранности. Завсегдатаи бара опять принялись пихать друг друга локтями, когда я, ожидая возвращения Дженкса, принялась водить указательным пальцем по ободку бокала со «старым добрым». Я откровенно скучала, а легкий флирт полезен для здоровья.

Вошла новая компания, чья громкая болтовня сообщила мне о том, что дождь еще больше припустил. Компания скучковалась в дальнем конце стойки. Все ее члены одновременно болтали, протягивая руки к выпивке и требуя к себе внимания. Когда я их оглядела,

слабое сжатие у меня в животе поведало мне о том, что по крайней мере один из них:– мертвый вампир. Под готической атрибутикой сложно было понять, кто именно.

Эту загадку я решила, хорошенько приглядевшись к тихому молодому человеку в самом углу. Одетый в джинсы и рубашку на пуговицах вместо блестящей от дождя кожи, он выглядел обычнее всех в этой компании с уймой татуировок и пирсинга. Должно быть, парень очень удачно справлялся со своей задачей, раз у него имелась такая свита. На шеях у его жертв виднелись шрамы, их тела были бледными и анемичными. Тем не менее они казались вполне счастливы, совершенно удовлетворены своей предельно сплоченной компанией, едва ли не семьей. Особенно они были милы с одной прелестной блондиночкой, всячески ее поддерживая и дружно уговаривая съесть немного арахиса. Блондиночка улыбалась, но выглядела усталой. Должно быть, она пошла вампиру на завтрак.

Словно бы расслышав мои мысли, привлекательный молодой человек обернулся и слегка опустил черные очки. Мое лицо упало, стоило ему только перехватить мой взгляд. Я глубоко вздохнула, через весь зал видя капельки дождя у него на ресницах. Меня вдруг наполнила внезапная потребность стряхнуть эту воду. Я почти чувствовала сырость дождя у себя на пальцах, мягкость этих ресниц. Губы вампира двигались, пока он что-то шептал. Мне показалось, будто я слышу, но не понимаю его слов. Они словно бы кружились позади, подталкивая меня вперед.

Ощущая, как отчаянно колотится мое сердце, я бросила на молодого человека понимающий взгляд и покачала головой. Слабая чарующая улыбка растянула уголки рта вампира, и он отвернулся.

Сдерживаемый вздох вырвался из меня, пока я с трудом отводила глаза в сторону. Молодой человек определенно был мертвым вампиром. Живой вампир не смог бы зачаровать меня даже на такую малость. А если бы этот мертвый вампир и впрямь захотел меня зачаровать, у меня не было бы ни единого шанса. Но ведь как раз для этого законы и существуют, не так ли? Мертвым вампирам полагается употреблять в пищу только добровольных новичков, да и то лишь после подписания соответствующих документов. Но кто мог сказать, были эти самые документы подписаны до или после? Ведьмы, вервольфы и другие Внутриземцы обладали иммунитетом от обращения в вампиры. Слабое утешение, если вампир терял над собой контроль, и ты погибала из-за того, что тебе перерывали глотку. Хотя против этого, разумеется, также существовали законы.

По-прежнему испытывая неловкость, я подняла глаза и вдруг обнаружила, что прямоком ко мне от эстрады шагает музыкант. Глаза его буквально горели от лихорадочной чесотки. Чертов феек. Позволил себя поймать.

– Пришла меня послушать, красотка? – спросил парнишка, останавливаясь у моего столика и явно стараясь не повышать радостного голоса.

– Меня зовут Сью, а не Красотка, – солгала я, глаза мимо него в сторону Айви. А та откровенно надо мной потешалась. Вот класс. Как роскошно все это будет выглядеть в очередном выпуске нашей конторской стенгазеты.

– Ты послала свою подружку-фею меня проверить, – почти пропел музыкант.

– Он феек, а не фея, – уточнила я. Парнишка был либо тупым нормалом, либо хитроумным Внутриземцем, прикидывающимся тупым нормалом. Я могла бы поклясться насчет верности первого варианта.

Музыкант раскрыл кулак, и Дженкс по синусоиде пролетел к моей серьге. Одно из его крылышек была погнуто, и феечная пыльца краткими солнечными лучиками сыпалась мне на плечо. Собираясь с духом, я закрыла глаза. Как пить дать – меня же в этом и обвинят. Никаких сомнений.

Раздраженное рычание Дженкса наполнило мою ушную раковину, и я задумчиво нахмурилась. Все его злобные предложения были крайне сомнительны хотя бы с анатомической точки зрения. Зато теперь я не сомневалась, что этот парнишка– нормал.

– Пойдем ко мне в фургон, – предложил сопляк. – Посмотришь мою самую большую трубу. Ручаюсь, в твоих руках она та-ак запоет!

Все еще нервничая из-за предложения мертвого вампира, я внимательно на него посмотрела.

– Пшел отсюда.

– Все будет классно, Сьюзи Кью, – стал хвастаться музыкант, приняв мой враждебный взгляд за предложение присесть. – Я собираюсь отправиться на побережье – как только малость денегат заколочу. У меня есть приятель в музыкальном бизнесе. Он знает одного парня, который знает другого парня, который когда-то у Дженис Джоплин бассейн чистил.

– Пшел отсюда, – повторила я, но парнишка лишь откинулся на спинку сиденья и скривил физиономию, высоким фальцетом напевая мелодию песенки «Сьюзи Кью», жутко ее при этом перевирая и не в лад барабаня по столу.

Все это до жути меня смущало. Безусловно, если бы я как следует с ним разобралась, это сошло бы мне с рук. Но нет – я была простым солдатом на ниве борьбы с преступностью в отношении нормалов, даже если никто, кроме меня, так не считал. Улыбаясь, я стала подаваться вперед, пока не обнажилась моя ложбинка между грудей. Это всегда привлекает их внимание – даже если там не особо много ложбинки. Потянувшись через столик, я ухватила короткие волоски у него на груди и покрутила рукой. Это также всегда привлекает их внимание. К тому же лично мне так гораздо приятней.

Вопль парнишки вышел как сахарная глазурь, такой он был сладкий.

– У-хо-ди, – прошептала я, вталкивая музыканту в ладонь бокал «старого доброго» и заворачивая его вялые пальцы вокруг коктейля. – И выпей за мое благополучие. – Глаза парнишки еще шире распахнулись, когда я слегка потянула за волоски. Затем мои пальцы неохотно разжались, и он перешел в тактичное отступление, расплескивая по дороге добрую половину бокала.

От стойки послышались аплодисменты. Обернувшись, я увидела, как пожилой бармен хитро ухмыляется. Он приложил палец к ноздре, и я слегка наклонила голову.

– Безмозглый щенок, – пробормотала я себе под нос. Нечего ему было делать в Низинах. Кому-то следовало перекинуть его задницу назад через реку, пока он еще был жив и здоров.

Передо мной остался только один бокал. Теперь, надо думать, делались ставки, стану я его пить или нет.

– С тобой все хорошо, Дженкс? – спросила я, заранее догадываясь об ответе.

– Сопливый верзила чуть меня в лепешку не раздавил, а ты спрашиваешь, все ли со мной хорошо? – прорычал феек. В его тоненьком голоске отчетливо слышался юмор, и я удивленно подняла брови. – Он же чуть ребра мне не сломал. Я теперь весь салом воняю. Боже милостивый, да я этим салом просто сочусь! И ты посмотри, во что он мою одежду превратил. Знаешь, как тяжело из шелка вонь вытравить? Если я, с таким амбре домой заявлюсь, жена меня отправит в цветочный горшок ночевать! А тройной гонорар, Рэчел, можешь себе сама знаешь куда засунуть! С тобой он не окупается!

Дженкс так и не заметил, когда я перестала к нему прислушиваться. Про свое крылышко он ничего не сказал, и из этого я заключила, что все с ним будет в порядке. Скользнув в самую глубь кабинки, я стала там томиться, точно дохлая рыба, пока Дженкс истекал своей пылью мне на плечо. Я была капитально повернута кверху брюхом. Если я вернусь с пустыми руками, то до следующей весны мне ничего, кроме мелких шалостей в полнолуние и жалоб на недоброкачественные амулеты не светит. Причем моей вины в этом не было.

Теперь, когда Дженкс лишился способности летать незамеченным, я поняла, что могу с таким же успехом отправляться домой. И если бы я купила фейку немного грибов «мейтейк», возможно, он не стал бы трепаться в конторе, как именно ему помяли крылышко. «Да что за черт, – подумала я, – почему бы не устроить из этого праздник?» Так сказать, что-то вроде

последнего взмаха, прежде чем начальство окончательно прибьет мою метлу к дереву. Я могла бы зайти в торговый центр-принять там пеннистую ароматную ванну и купить новый диск медленного джаза. Да, моя карьера шла под откос, но почему я не могла насладиться этой поездкой?

Согреваемая капризным теплом предвкушения, я взяла свою сумочку и «ширли-темпл», после чего встала и направилась к стойке. Не в моем стиле оставлять все в подвешенном состоянии. Кандидат номер три стоял с широкой ухмылкой на физиономии. Нога его чуть подергивалась. Господи, прости и помилуй. Мужчины могут быть так отвратительны. Я была жутко утомлена и свирепа. Меня в высшей степени не ценили по достоинству. Зная, что он расценит любые мои слова как грубую завлекательную шутку и последует за мной на улицу, я просто выплеснула «имбирную шипучку ему на фасад и пошла себе дальше.

Не успев толком улыбнуться возмущенному воплю мужчины, я уже нахмурилась, когда его тяжелая лапа легла мне на плечо. Развернувшись в полуприседе, я резко махнула ногой, сбивая его на пол. По всему заведению разнесся глухой стук, когда мой кавалер грохнулся на дощатое покрытие. Все дружно ахнули, после чего в баре повисла мертвая тишина. А я сидела на груди у мужчины, оседлав его еще раньше, чем он сообразил, что упал.

Мой кроваво-красный маникюр блеснул в полумраке, когда я схватила парня за горло, крепко прижимая его бородавку к шее. Глаза его широко распахнулись. Бык стоял у двери, скрестив руки на груди и с мрачным удовлетворением наблюдая.

– Черт возьми, Рэчел, – сказал Дженкс, безумно раскачиваясь вместе с моей серьгой. – Кто это тебя так научил?

– Мой папа, – ответила я, а затем наклонилась вперед, к самому лицу мужчины. – Прошу прощения, – выдохнула я с тяжелым акцентом Низин. – Хочешь поиграть, куколка? – Глаза его сразу же стали испуганными, как только он понял, что я Внутриземка, а вовсе не пустышка, ищущая себе дикую ночь притворства. Он же был всего лишь куколкой, никаких сомнений. Легким угощением, чтобы понаслаждаться и забыть. Я больше не собиралась причинять ему никакой боли, но он еще об этом не знал.

– Мать твою перемать! – вдруг воскликнул Дженкс, мигом отрывая мое внимание от хнычущего человечка. – Чуешь, Рэчел? Клевер.

Я ослабила хватку, и мужчина в темпе из-под меня выбрался. С трудом встав на ноги, он вместе с двумя своими сотоварищами уволокся в тень, ради спасения лица едва слышно бормоча в мой адрес глухие ругательства.

– Кто-то из барменов? – выдохнула я, поднимаясь.

– Женщина, – ответил Дженкс, омывая меня волной возбуждения.

Я подняла глаза, внимательно ее оглядывая. Барменша прелестно наполняла свою обтягивающую, сверхконтрастную униформу зеленовато-черных тонов. С ее лица не сходило выражение скучающей компетентности, пока она уверенно двигалась туда-сюда за стойкой.

– Ты что, Дженкс, совсем выпал? – прошептала я, пытаюсь незаметно подтянуть свои кожаные штаны на подобающее им место. – Это не может быть она.

– Да! Конечно! – рявкнул Дженкс. – Только ты можешь об этом судить! Наплюй на фейка. Прямо сейчас я мог бы быть дома, сидеть перед телевизором. Но не-е-ет! Вместо этого я провожу целые ночи в обществе натуральной жерди в женском облике с отсталой интуицией, которая воображает, будто она способна делать мою работу лучше меня. Я холоден, голоден, и вдобавок у меня чуть ли не надвое переломлено крылышко. Если лопнет главная вена, мне придется заново все это чертово крылышко отращивать. Ты хоть представляешь себе, сколько времени на это уйдет?

Я оглядела бар, с удовлетворением подмечая, что все вернулись к своим разговорам. Айви куда-то вышла и, скорее всего, последние события пропустила. Ну и наплевать.

– Ладно, Дженкс, заткнись, – пробормотала я. – Притворись декорацией.

Затем я бочком подобралась к пожилому бармену. Он одарил меня редкозубой улыбкой, когда я наклонилась над стойкой. Складки одобрительно морщили сухую кожу его лица, пока он внимательно меня изучал, избегая лишь заглядывать мне в глаза.

– Дай мне, чего-нибудь, – выдохнула я. – Чего-нибудь сладенького. Чего-нибудь роскошного, кремowego, просто вкуснятины.

– Для этого мне потребуется увидеть твои документы, деточка, – отозвался старик с сильным ирландским акцентом. – А то на вид ты еще недостаточно взрослая, чтобы из-под маминого крылышка выбраться.

Его акцент был поддельным, зато моя улыбка от такого комплимента – самой что ни есть настоящей.

– Конечно-конечно, сладенький. – Я принялась рыться в сумочке в поисках водительских прав, желая и дальше играть в игру, раз мы оба явно ею наслаждались. – Ой! – захихикала я, когда карточка выскользнула у меня из рук и упала по ту сторону стойки. – Какая же я неловкая дурочка!

Воспользовавшись табуретом у стойки, я перегнулась на ту сторону, чтобы получше там приглядеться. Задрав задницу в воздух, я тем самым не только отвлекла на нее все внимание лиц мужского пола, но и заполучила превосходный обзор. Да, если всерьез об этом задумываться, выходил сущий срам и унижение, зато все прекрасно сработало. Подняв взгляд, я обнаружила, что старик ухмыляется, думая, что я проверяю его, но на самом деле меня теперь интересовала женщина. Она стояла на ящике.

Эта женщина была почти нужного роста, на нужном месте, и Дженкс абсолютно верно на нее указал. Выглядела она моложе, чем я ожидала, но если тебе сто пятьдесят лет от роду, у тебя непременно имеется богатый опыт по части маленьких секретов красоты. Дженкс фыркнул мне в ухо, а затем тоном самодовольного москита произнес:

– Я же тебе говорил.

Я снова как следует устроилась на табурете, и бармен вручил мне мои водительские права заодно с желанной вкуснятиной: блямбой мороженого «бейлис» в коротком бокале. Сущее объедение! Убрала на место права, я бросила на старика дерзкий взгляд. А затем, оставив бокал на месте, отвернулась от стойки, словно бы изучая только что вошедших посетителей. Мое сердце учащенно забилось, а кончики пальцев защекоotalo. Пора было браться за работу.

Бросив быстрый взгляд вокруг, я убедилась, что никто за мной не наблюдает, после чего непринужденно наклонила бокал. Дальше с не вполне притворной досадой я охнула, когда его содержимое пролилось на стойку, и резко дернулась вперед, желая спасти хотя бы часть мороженого.

Выплеск адреналина буквально потряс меня, когда барменша встретила мою извиняющуюся улыбку своей покровительственной. Такая встряска стоила куда больше чека, который я каждую неделю находила у себя в столе. Впрочем, я знала, что это ощущение рассеется точно так же, как оно и пришло. Мои таланты растрчивались понапрасну. К примеру, для этого дела мне даже заклинаний не требовалось.

«Если это все, что ВБ намерена мне давать, – подумала я, – пожалуй, мне следует наплевать на постоянное жалование и продолжать самой по себе». Немногие уходили из ВБ, но прецеденты все же имелись. Леон Бейн сделался живой легендой, прежде чем стать независимым – и очень скоро был убит разрегулированным заклинанием. Ходили слухи, что именно ВБ назначила цену за голову Бейна, желая расквитаться с ним за разрыв тридцатилетнего контракта. Впрочем, это случилось больше десятилетия тому назад. Агенты то и дело пропадали, уничтожаемые добычей умнее их или удачливей. Винить ВБ в убийстве собственных сотрудников казалось слишком уж крутым перебором. Никто не уходил из ВБ просто потому, что деньги там были хорошими, а работа несложной – только и всего.

«Ну да», – подумала я, не обращая внимания на предостерегающий голосок у себя в голове. Гибель Леона Бейна была чрезвычайно подозрительной. Никто так ничего и не доказал. А на работе я оставалась по одной-единственной причине – меня не могли законно с нее уволить. Пожалуй, я с таким же успехом могла продолжить сама по себе. Это никак не могло быть хуже того, чем я занималась сейчас. В ВБ будут только рады моему уходу. «Конечно, – с улыбкой подумала я. – Рэчел Морган, частный сыскной агент. Все права должным образом защищены. Все несправедливости соответственно отмщены».

Я понимала, что моя улыбка была довольно туманной, пока та женщина послушно протирала мокрую стойку у меня между локтей. Затем я резко выдохнула, опустила левую руку и схватила тряпку, спутывая женщине руки. Моя правая рука метнулась мне за спину, а затем снова вперед, но уже с наручниками, защелкивая их у преступницы на запястьях. Все было сделано в одно мгновение. Женщина успела лишь потрясенно вздрогнуть. Проклятье, как же я была хороша!

Глаза женщины широко распахнулись, когда она поняла, что случилось.

– Будь оно все проклято! – вскричала преступница. Ее ирландский акцент поддельным не был и звучал весьма элегантно. – Что это еще за дьяволыщина? Что ты творишь?

Вспышка догорела, обратившись в пепел, и вздох слетел с моих губ, когда мой взгляд упал на так и оставшуюся лежать на стойке блямбу вкуснейшего мороженого.

– Внутриземная Безопасность, – сообщила я женщине, шлепая на стойку удостоверение сотрудницы ВБ. Теперь уже спешить было некуда. – Вы обвиняетесь в фабрикации радуги с целью неверного представления дохода, полученного от вышеупомянутой радуги, незаполнении бланков заявки на предмет вышеупомянутой радуги, неуведомлении комитета по радугам о прекращении функционирования вышеупомянутой радуги...

– Это ложь! – выкрикнула женщина, корчась в наручниках. Взгляд ее дико метался по бару, пока все внимание сосредоточивалось на ней. – Сплошная ложь! Я законно то зелье нашла!

– Ты сохраняешь за собой право держать рот на замке, – сымпровизировала я, цепляя себе ложку мороженого. Во рту у меня сразу же похолодело, а легкая примесь спиртного послужила слабой заменой утекающему теплу адреналинового выплеска. – Если же ты намерена уклоняться от права держать рот на замке, я сама охотно заткну тебе пасть.

Пожилый бармен хлопнул ладонью по стойке.

– Бык! – проревел он без всякого намека на ирландский акцент. – Повесь в окне вывеску «Требуется бармен». А потом дуй сюда и помогай мне.

– Есть, босс, – донесся далекий, предельно безразличный отклик Быка.

Отложив ложку в сторону, я протянула руку за стойку и выдернула оттуда лепреконшу, прежде чем она успела сильно уменьшиться в размере. Она прямо на глазах сжималась, пока амулеты на моих наручниках медленно одолевали ее более слабый заговор величины.

– У тебя есть право на адвоката, – продолжила я, убирая свое служебное удостоверение на место. – Если ты не можешь себе такового позволить, тебе его назначат.

– Тебе меня не поймать! – принялась угрожать лепреконша, силясь высвободиться, пока в возгласах окружившей нас толпы слышалось все больше энтузиазма. – Одни эти стальные кольца меня не удержат. Я сбегала от королей, султанов и даже от скверных малолеток с сачками!

Я принялась пальцем закручивать свои все еще сырые от дождя волосы, пока лепреконша все билась и боролась, медленно приходя к ясному пониманию того, что она попалась. Наручники сжимались вместе с ней, категорически не желая ее отпустить.

– Сейчас... сейчас... я освобожусь... одну минутку, – пыхла лепреконша, приостанавливая борьбу, чтобы взглянуть на свои кисти. – Ах, ради любви к святому Петру! – Она сторбилась, удрученно оглядывая желтую луну, зеленый клевер, розовое сердечко и оранжевую

звезду, что украшали мои наручники. – Чтоб пес самого дьявола на твою ногу нассал! Кто тут про амулеты разорялся? – Затем она присмотрелась внимательнее. – Ты поймала меня четырьмя? Четырьмя? Понятия не имела, что старые приемы все еще работают.

– Можешь считать меня старомодной, – сказала я, обращаясь к своему бокалу, – но когда что-то работает, я этого держусь.

Айви прошла мимо, ведя перед собой двух вампиров в черных плащах, элегантных в своем мрачном страдании. У одного под глазом наливался роскошный фингал, другой заметно прихрамывал. Айви не особенно нежничала с вампирами, кормившимися от малолеток. Припомнив чары того мертвого вампа в конце стойки, я поняла, почему. Какому-нибудь шестнадцатилетке с этим просто ничего не поделать. Да он и не захочет что-то с этим поделать.

– Привет, Рэчел, – радостно поприветствовала меня Айви, теперь, после выполнения задания, выглядя почти как самая обычная женщина. – Я в центр города направляюсь. Хочешь плату за проезд поделить?

Мои мысли снова вернулись к ВБ, пока я взвешивала риск стать голодным предпринимателем и целую жизнь беготни за магазинными ворами и продавцами нелегальных амулетов. Я сильно сомневалась, что ВБ назначит цену за мою голову. Нет, Денон будет в восторге, если я разорву контракт. Конечно, контору в центре Цинциннати я себе позволить не смогу. Тогда, быть может, в Низинах? Айви проводила здесь массу времени. Наверняка она знает, где можно найти что-нибудь подешевле.

– Да, хочу, – ответила я, отмечая, что ее карие глаза выглядят теперь очень мило. – Еще я хочу кое о чем тебя расспросить.

Айви кивнула и подтолкнула двух своих клиентов на выход. Толпа нажимала сзади, и целое море черной одежды словно бы впитывало в себя весь свет. Мертвый вампир в конце стойки уважительно мне кивнул, как будто говоря: «Классный арест». Испытывая ложный подъем от пульсирующей эмоции, я кивнула в ответ.

– Так и надо, Рэчел! – радостно воскликнул Дженкс, и я улыбнулась. Давненько я уже такого не слышала.

– Спасибо, – поблагодарила я фейка, видя в зеркале бара, как он сидит у меня в серье. Оттолкнув в сторону бокал, я потянулась к своей сумочке, и моя улыбка стала неприлично широкой, когда бармен жестом указал, что все идет за счет заведения. Чувствуя у себя внутри тепло более сильное и приятное, чем от спиртного, я соскользнула с табурета и потянула за собой лепрекконшу. Мысли о двери с табличкой, на которой золотыми буквами выведено мое имя, закрутились у меня в голове. Это была свобода. Свобода!

– Нет! Стой! погоди! – закричала лепрекконша, когда я, прихватив под мышку сумочку, потянула арестантку к двери. – Желания! Три желания! Ага? Ты меня отпускаешь, а взамен получаешь три желания.

Я молча схватила ее в охапку и вытолкнула под теплый дождичек. Айви уже поймала такси и запихнула свою добычу в багажник, чтобы оставить нам больше места. Принять от преступника три желания было верным способом попасть под раздачу, но лишь в том случае, если тебя засекут.

– Три желания, говоришь? – сказала я, помогая лепрекконше влезть на заднее сиденье. – Ладно, давай потолкуем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Что ты сказала? – спросила я, полуобернувшись на переднем сиденье, чтобы увидеть Айви. Ритмы скверных стеклоочистителей и славной музыки отчаянно сражались друг с другом, рождая в результате причудливую смесь воющих электрогитар и скрипящего по стеклу пластика. Из динамиков гремела песня под названием «Крик бунтаря». Я с ней соперничать не могла. Вполне правдоподобное подражание Дженкса Билли Айдолу, пока он крутился в танце с гавайской танцовщицей на приборной панели, тоже не особенно помогало серьезной беседе. – Можно мне сделать потише? – спросила я у таксиста.

– Не трожь! Не трожь! – заорал он с каким-то странным акцентом. Быть может, леса центральной Европы? Слабый мускусный запах выдавал в шофере вервольфа. Я было потянулась к ручке громкости, но он тут же оторвал мохнатую лапищу от руля и отбил мою руку в сторону.

Машина вильнула на соседнюю полосу. Все амулеты водилы, судя по их виду, безнадежно испорченные, заскользили по приборной панели, ссыпаясь на пол и мне на колени. Цепочка зубчиков чеснока, свисающая с зеркала заднего вида, ударила меня прямо в глаз. Я аж задохнулась от чесночной вони, пока ее одолевал аромат картонки в форме дерева, также свисающей с зеркала.

– Скверная девчонка, – бросил мне шофер, резко выворачивая обратно на свою полосу, отчего я мигом на него навалилась.

– А если я хорошая девочка, – прорычала я, плюхаясь обратно на сиденье, – можно мне тогда эту музыку приглушить?

Водила ухмыльнулся. Ему недоставало одного переднего зуба. Будь на то моя воля, ему бы прямо сейчас стало недоставать еще пары-другой.

– Угу, – отозвался он. – Там теперь разговоры пошли. – И действительно – музыка внезапно пропала, сменяясь стремительной болтовней ведущего, чей словесный понос звучал куда громче воя электрогитар.

– Слава тебе Господи, – пробормотала я, вырубая радио. И невольно скривила губы от прикосновения к сальной ручке. Поглазев на кончики своих пальцев, я вытерла их об амулеты, все еще валяющиеся у меня на коленях. Ни для чего другого они все равно уже негодились. Шофер так часто лапал эти амулеты потными ладонями, что соль вконец их загубила. Бросив на него страдальческий взор, я ссыпала весь этот хлам в обломанный подстаканник.

Затем я снова повернулась к Айви, привольно развалившейся на заднем сиденье. Заложив одну ладонь себе за голову, другой она не позволяла своей сове выпасть из заднего бокового окна, пока мы прыгали по ухабам. Фары встречных машин и время от времени попадавшиеся исправные уличные фонари высвечивали ее черный силуэт. Темные и немигающие глаза Айви ненадолго встретились с моими, после чего опять вернулись к боковому окну и густеющей за ним ночи. Мою кожу зашекотала атмосфера ее древней трагедии. Сейчас она не давила аурой – она была просто Айви, – однако меня все равно бросало от нее в дрожь. Интересно, эта женщина вообще когда-нибудь улыбалась?

Моя арестантка вжалась в другой угол, стараясь держаться как можно дальше от Айви. Зеленые сапожки лепрекконши доставали как раз до края сиденья, и она до жути напоминала одну из тех кукол, которые продают в передаче «Телемагазин». «Три незначительных выплаты по \$49,95 обеспечат вам эту в высшей степени детальную модель официантки Бекки. Обычно подобные куклы стоят втрое, даже вчетверо дороже!» Впрочем, глаза этой куклы хитровато поблескивали. Я лукаво ей подмигнула, и пристальный взгляд Айви тут же переметнулся на лепрекконшу.

Сова мучительно ухнула, когда мы налетели на особенно скверную колдобину, и раскрыла крылья, чтобы сохранить равновесие. Впрочем, эта колдобина оказалась последней. Мы

переехали через реку и снова оказались в Огайо. Дальше дорога стала гладкой как стекло, и таксист сбавил скорость. Похоже, ему теперь приходилось в темпе припоминать, зачем вообще нужны дорожные знаки.

Отняв руку от совы, Айви пробежала пальцами по своим длинным волосам.

– Я сказала: «Раньше ты никогда не садилась со мной прокатиться». Что у тебя на уме?

– Ах, да. – Я непринужденно набросила руку на спинку сиденья. – Ты, случайно, не знаешь, где я могу снять дешевую квартиру. Может, в Низинах?

Айви в упор на меня посмотрела. Идеальный овал ее лица казался совсем бледным в свете уличных фонарей. Теперь огни горели на каждом углу, и света было почти как днем. Ну и параноики эти нормалы. Впрочем, не то чтобы я их очень винила.

– Ты переезжаешь в Низины? – спросила Айви с недоуменным выражением на лице.

Видя это выражение, я не могла не улыбнуться.

– Нет. Просто увольняюсь из ВБ.

Мое заявление в высшей степени Айви заинтересовало. Это я смогла понять по тому, как она вздрогнула. Дженкс прекратил свои пляски с крошечной фигуркой на прибор-, ной панели и молча на меня воззрился.

– Ты не можешь разорвать свой контракт с ВБ, – сказала Айви. Затем она взглянула на лепреконшу, и та в ответ засияла улыбкой. – Ты ведь не собираешься...

– Что? Нарушить закон? – беспечно отозвалась я. – Я слишком хороша, чтобы мне требовалось нарушать закон. Но я ничего не смогу поделать, если она не та лепреконша, что нахичила с радугой, – добавила я, не чувствуя за собой ни капли вины. Мое начальство в ВБ предельно ясно дало мне понять, что ему больше не требуются мои услуги. Что же мне теперь оставалось делать? Перевернуться кверху брюхом и лизать кому-нибудь... гм, рыло?

– Канцелярская работа, – вмешался таксист, чей выговор вдруг стал таким же гладким, как лежащая впереди дорога, когда он резко перешел на манеры, необходимые для получения и сохранения платы за проезд по эту сторону реки. – Избавляешься от канцелярской работы. Так все время случается. Кажется, у меня где-то здесь было признание Ринна Кормеля. Осталось еще с тех времен, когда мой отец во время Поворота адвокатов из карантина в суды перевозил.

– Угу. – Я кивнула и одарила его улыбкой. – Не то имя не в той бумажке. Что и требовалось доказать.

Айви по-прежнему не сводила с меня немигающих глаз.

– А знаешь, Рэчел, Леон Бейн не сам собой подорвался.

Я невольно охнула. Рассказням про Бейна я вообще-то предпочитала не верить. Я считала, что эти истории нужны только для того, чтобы удержать агентов ВБ от разрыва своих контрактов, как только они узнавали все, чему ВБ могла их научить.

– Это случилось десять с лишним лет тому назад, – сказала я. – И ВБ никакого отношения к этому не имеет. Там не собираются убивать меня за разрыв контракта. Напротив, мое начальство само хочет, чтобы я ушла. – Тут я нахмурилась. – А кроме того, даже если меня вывернут наизнанку, это будет куда веселей того, чем я сейчас занимаюсь.

Айви подалась немного вперед, и я не стала от нее отстраняться.

– Говорят, ушло трое суток, чтобы набрать ошметков Леона Бейна на коробку от ботинок, – сказала она. – Последние соскребали с потолка у него в парадном.

– А что мне теперь делать? – спросила я, убирая руку со спинки сиденья. – У меня уже несколько месяцев ни одного приличного задания не было. Вот, пожалуйста. – Я указала на свой улов. – Лепреконша, уклоняющаяся от уплаты налогов. Это же просто оскорбление. Маленькая женщина оцепенела.

– Ах, прости-и-ите меня.

Дженкс бросил свою новую подружку и расположился на полях таксистской шляпы.

– Угу, – согласился он. – А если я теперь вынужден буду взять больничный, Рэчел вообще швабру в руки дадут.

Феек резко двинул своим поврежденным крылом, и я бросила на него страдальческий взор.

– Может, «мейтейк»? – предложила я.

– Четверть фунта, – уточнил Дженкс, и я мысленно подняла вес грибов до полфунта. Для фейка Дженкс был очень даже ничего.

Айви помрачнела, перебирая пальцами свою цепочку с распятием.

– Есть веская причина, почему никто не разрывает своего контракта с ВБ. Последнего человека, который попытался это сделать, засосало в турбину.

Стиснув зубы, я отвернулась от Айви и стала смотреть сквозь лобовое стекло. Теперь я вспомнила. Это случилось почти год тому назад. Инцидент убил бы того агента, если бы он к тому времени уже не был мертв. И тот вампир мог теперь в любой момент опять заявиться в контору.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения, – резко сказала я Айви. – Я всего лишь интересуюсь, не сдает ли кто-нибудь из твоих знакомых дешевой квартиры. – Айви молчала, и я снова повернулась на нее посмотреть. – Мне удалось скопить немного денег. Я могу прибить на дверь табличку со своим именем, помогать людям, которые в этом нуждаются...

– Ох, ради любви к крови, прекрати, – перебила меня Айви. – Уйти, чтобы открыть амулетную лавку – это еще куда ни шло. Но собственное агентство? – Она помотала головой, и ее черные волосы закачались. – Конечно, я не твоя мамаша, но если ты это сделаешь, считай, что ты уже труп. А, Дженкс? Скажи ей, что она труп.

Дженкс с серьезным видом кивнул, а я резко развернулась и опять стала глазеть вперед. Какая же я была дура, что попросила ее помочь! Проклятый таксист теперь тоже кивал.

– Труп, – бубнил он. – Труп, труп, труп.

Вот так. Чем дальше в лес, тем толще партизаны. Учитывая разговорчивость Дженкса и таксиста, прежде чем я подам заявление, весь город уже будет знать о том, что я увольняюсь.

– Ладно, не беспокойтесь, – пробормотала я. – Я больше не желаю об этом разговаривать. Айви набросила руку на спинку моего сиденья.

– А тебе не приходило в голову, что кто-то может тебя подставлять? Всем известно, что лепрекони пытаются купить себе свободу. Если тебя застукают, то по первое число всыпят.

– Угу, – отозвалась я. – Я уже об этом подумала. – Ясное дело, у меня даже мысли о таком варианте не было, но я не собиралось Айви об этом сообщать. – И моим первым желанием станет то, чтобы меня не застукали.

– Так всегда бывает, – лукаво заметила лепрекониша. – Значит, это твое первое желание? – Пылая гневом, я кивнула, и женщина ухмыльнулась, показывая ямочки на щеках. Она уже была на полпути к дому.

– Послушай, – сказала я Айви. – Мне не нужна твоя помощь. И на том спасибо. – Я зашарила у себя в сумочке, ища бумажник. – Высадите меня здесь, – сказала я таксисту. – Хочу выпить кофе. Дженкс, ты меня слышишь? Айви доставит тебя до ВБ. Сделаешь это для меня, Айви? По старой дружбе?

– Рэчел, – запротестовала Айви, – ты меня даже не слушаешь.

Таксист осторожно просигналил, затем подкатил к тротуару.

– Будь осторожней, Плутовка.

Я вылезла из машины, распахнула заднюю дверцу и довольно бесцеремонно вытащила лепреконишу наружу. Мои наручники уже полностью устранили ее заговор величины. Теперь женщина была размером с пухлого двухлетнего ребенка.

– Вот, – сказала я, швыряя на сиденье двадцатку. – Думаю, моя доля не больше.

– Здесь все еще дождь идет, – заныла лепрекониша.

– Заткнись. – Капли нещадно по мне барабанили, непоправимо портя пучок волос у меня на макушке и прилепляя к шее свисающие оттуда пряди. Я резко захлопнула дверцу как раз в тот момент, когда Айви собралась что-то сказать. Терять мне больше было нечего. Моя жизнь прекратилась в кучу магического навоза, и я даже не могла сварганить из него удобрение.

– Но я же промокну, – пожаловалась лепреконша.

– Хочешь назад в машину? – спросила я. Мой голос был спокоен, но внутренне я вся кипела. – Если хочешь, мы можем про все забыть. Не сомневаюсь, Айви по всем правилам тебя оформит. Два задания за одну ночь. Ей наверняка дадут премию.

– Не-ет, – еле слышно пропищала женщина. Бурля от негодования, я бросила взгляд через дорогу на кафе «Старбакс», обычно обслуживавшее местных приверед, которым требовалось не менее шестидесяти разных способов сварить кофейные зерна, чтобы ни одним из них не удовлетвориться. Поскольку кафе находилось по эту сторону реки, в такой ранний час там, скорее всего, было пусто. А значит, в настоящий момент оно представляло собой идеальное место, где я могла избавиться от дурного настроения и собраться с силами. Я чуть ли не силком подтащила лепреконшу к двери, пытаюсь прикинуть стоимость местной чашки кофе по числу доповоротных безделушек на витрине заведения.

– Рэчел, погоди. – Айви опустила стекло, и до меня снова стала доноситься музыка из такси. На сей раз «Тысяча лет» Стинга. Я чуть было не решила залезть обратно в машину.

Однако вместе этого я резко распахнула дверь в кафе и усмехнулась радостному перезвону колокольчиков.

– Кофе. Черный. И сиденье помягче! – крикнула я парнишке за прилавком, твердо шагая в самый темный угол с лепреконшей на прицепе. Будь оно все проклято. Парнишка представлялся исключительно честным малым – идеальная прическа, фартучек в красно-белую полоску. Скорее всего, студент университета. Я тоже могла бы ходить в университет вместо районного техникума. По крайней мере семестр-другой. Тогда бы меня наверняка признали, оценили и все такое прочее.

Кабинка оказалась на удивление уютной и мягкой. Даже скатерть на столике была настоящая. И ступни там к полу не липли. Определенный плюс. Заметив, что парнишка одарил меня высокомерным взглядом, я стянула с себя сапожки и села по-турецки, чтобы ему досадить. Я все еще была одета как проститутка. Кажется, он прикидывал, не вызвать ли ему ВБ или ее человеческий эквивалент, ФВБ. Вот была бы умора.

А мой билет на выход из ВБ нервно ерзал на противоположном сиденье.

– Можно мне с молоком? – заныла лспреконша.

– Нет.

Колокольчики опять затрезвонили. Повернувшись к двери, я увидела входящую в кафе Айви. Она шагала с совой на руке, пристроив ее на специальную нарукавную повязку. Джёнкс восседал у Айви на плече, держась как можно дальше от совы. Я оцепенело повернулась к картинке над столиком. Там были изображены детишки, одетые как фруктовый салат. Наверное, картинке полагалось вызывать добрые чувства, но лично у меня она вызвала только голод.

– Послушай, Рэчел. Мне надо с тобой поговорить. Для мальчика за прилавком это уже был явный перебор.

– Прошу прощения, мэм, – произнес он своим идеальным голосом. – С домашними животными сюда нельзя. Сова должна остаться снаружи.

«Мэм?» – подумала я, отчаянно стараясь удержаться от истерического смеха.

Парнишка побледнел, когда Айви на него посмотрела. Затем, слепо и неуверенно пятясь назад, чуть не упал. Она давила на него аурой. Н-да, приятного мало.

Тут Айви обратила свой взор на меня. Из моей груди со свистом вышел весь воздух, когда я ударилась о заднюю стенку кабинки. Черные, хищные глаза буквально пригвоздили меня к виниловому сиденью. В животе у меня все сжалось от лютого голода. А пальцы скрючились.

Сковывающее напряжение Айви было как яд. Я просто не могла отвернуться. Ничего похожего на вежливый вопрос, заданный мне мертвым вампиром в «Крови и варено». Здесь ясно чувствовался гнев, властное преобладание. Слана Богу, что Айви гневалась не только на меня, но и на того мальчика за прилавком.

Конечно, как только она увидела появившееся у меня на лице выражение, гнев в ее глазах последний раз полыхнул и погас. Черные зрачки сжались, возвращая на место привычную карюю радужку. В мгновение ока покров силы соскользнул с Айви, удаляясь в самые глубины ада, откуда он и пришел. Да, наверняка это был ад. Столь мощное преобладание обычные чары дать не могли. Тут уже мой гнев снова нахлынул. Если я гневалась, я не могла бояться, разве не так?

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Айви давила на меня аурой. В тот последний раз мы спорили о том, как нам лучше арестовать одного низкокровного вампира, подозревавшегося в соблазнении несовершеннолетних девушек посредством какой-то дебильной ролевой игры в карты. Я тогда урезонила Айви сонным амулетом, затем красным лаком начертала на ее ногтях «ТЫ– ИДИОТКА», после чего привязала ее к стулу и разбудила. С тех пор Айви была образцовой подругой, разве что порой чуточку прохладной. Думаю, она высоко оценила то, что о том инциденте я никому ничего не рассказала.

Малец откашлялся.

– Вы, мэ.м... э-э... вы не вправе здесь оставаться, если только что-нибудь не закажете, – вяло заметил он.

«Отважный парнишка, – подумала я. – Должно быть, Внутриземец».

– Апельсиновый сок, – сказала Айви. – Без мякоти. Я удивленно на нее посмотрела.

– Апельсиновый сок? – Затем я опять нахмурилась. – Послушай, – сказала я, расцепляя ладони и резко выдергивая сумочку с амулетами себе на колени. – Мне наплевать, если Леона Бейна в конечном итоге по стенке размазали. Я увольняюсь. И никакие твои доводы моего решения не изменят.

Айви неловко переступила с ноги на ногу. Такая ее неуверенность охладила остатки моего гнева. Айви была обеспокоена? Никогда еще такого не видела.

– Я хочу уйти вместе с тобой, – наконец сказала она.

Несколько секунд я могла лишь молча на нее глазеть.

– Что? – наконец сумела выдать я из себя. Айви с деланной беззаботностью села напротив меня, ставя свою сову присматривать за лепреконшей. С шумом отклеив «липучку» своей нарукавной повязки, она положила ее рядом с собой на скамью. Дженкс спрыгнул с ее плеча на столик – глаза его были широко распахнуты, а рот для разнообразия закрыт. Парнишка приврлокся с мягким сиденьем и нашей незатейливой выпивкой. Мы молча подождали, пока он дрожащими руками все расставит и удалится подобру-поздорову в заднее помещение кафе.

Моя чашка оказалось треснутой и налитой лишь наполовину. Я было поигралась с мыслью о том, чтобы прилепить под столом один амулет, от которого сворачивалось бы все молоко в радиусе полутора метров, но затем решила, что сейчас следует позаботиться о куда более важных вещах. Например о том, почему Айви решила в буквальном смысле спустить в унитаз свою блестящую карьеру.

– Но почему? – потрясенно спросила я. – Начальство в тебе души не чаёт. Ты сама выбираешь себе задания. В прошлом году у тебя даже оплаченный отпуск был.

Избегая моего взгляда, Айви изучала картинку над столиком.

– Целых четыре недели! Ты тогда на Аляску за полночным солнцем отправилась!

Густые черные брови Айви мрачно сдвинулись, когда она протянула руку, чтобы погладить свою сову и поправить ей крылья.

– Половина аренды, половина коммунальных услуг... короче половина всего за мной, половина за тобой. Я вношу свою долю и занимаюсь своими делами, ты вносишь свою и занимаешься своими. Если потребуется, работаем вместе. Как раньше.

Я откинулась на спинку сиденья. Моя вспышка раздражения вышла не столь очевидной, как мне того хотелось, поскольку падать здесь можно было только на мягкую обивку.

– И все-таки почему? – снова спросила я.

Ладонь Айви упала с совы на столешницу.

– Я очень хорошо делаю свою работу, – сказала она, по-прежнему не желая мне отвечать. В голосе ее теперь звучала смутная уязвимость. – Так что обузой для тебя, Рэчел, я не стану. Ни один вампир не осмелится против меня выступить. Могу распространить это благо и на тебя. Наемных убийц из вампиров я буду отваживать до тех пор, пока ты не накопишь денег, чтобы расплатиться за разорванный контракт. С моими связями и твоими заклинаниями мы сможем оставаться в живых так долго, что ВБ отменит цену за наши головы. Но у меня есть одно желание.

– Никакой цены за наши головы не будет, – быстро вставила я.

– Рэчел... – взмолилась Айви. Ее карие глаза смягчились, предостерегая меня. – Пойми, Рэчел, цена будет. – Айви стала подаваться вперед, пока у меня не возникло острое желание удариться в бегство. Я вдохнула ее запах, ища привкус крови, но там был только апельсиновый сок. И все-таки она ошибалась. ВБ никогда бы не назначила цены за мою голову. Там искренне хотели, чтобы я ушла. Тревожиться следовало как раз Айви.

– Я тоже, – вдруг выдал Дженкс и шустро подлетел к ободку моей чашки. Радужная пыльца проплыла от его согнутого крылышка, оставляя маслянистую пленку на кофе. – Я тоже хочу войти в дело. Я тоже хочу желание. Я уйду из ВБ и стану работать наводчиком для вас обеих. Вам обязательно потребуется наводчик. Ты, Рэчел, получишь четыре часа после полуночи. А ты, Айви, следующие четыре часа. Или как вам будет удобнее. Я получаю каждые четвертые сутки выходной, всего семь оплаченных выходных в месяц, и еще желание. Вы позволяете мне с моей семьей жить в конторе – знаете, тихо-мирно за надежной стеной. И платите мне каждую неделю столько же, сколько я зарабатываю сейчас.

Кивнув, Айви отхлебнула еще немного сока.

– По-моему, звучит славно. Как думаешь, Рэчел?

А у меня просто челюсть отпала. Я никак не могла поверить в услышанное.

– Я не могу отдать вам свои желания. Лепреконша энергично замотала головой.

– Очень даже можешь.

– Нет, не могу, – нетерпеливо возразила я. – Я хочу сказать, они мне нужны. – Острая тревога засела у меня в кишках при мысли о том, что Айви, вполне возможно, была права. – Я уже использовала одно, чтобы меня не застучали, когда я ее отпущу, – продолжила я. – И теперь мне надо для начала пожелать выйти из контракта.

– Так ведь... это самое... – принялась заикаться лепреконша. – Если это есть в документе, я ничего поделать не смогу.

Дженкс презрительно фыркнул.

– Что, не настолько ты хороша?

– Заткнись... сикараха! – рявкнула лепреконша. Щеки ее мигом порозовели.

– Сама заткнись, тварь болотная! – прорычал в ответ феек.

«Этого просто не может быть!» – подумала я. Все, чего мне хотелось, это стоять в стороне, а никак не возглавлять мятеж.

– Вы это не всерьез, – наконец сказала я. – Айви, признайся, что твое извращенное чувство юмора наконец-таки себя проявляет.

Айви спокойно встретила мой пристальный взгляд. Никогда не могла понять, что творится по ту сторону глаз вампирши.

– Впервые за всю мою карьеру, – сказала она, – я возвращаюсь с пустыми руками. Я отпустила свой улов. – Айви развела руками. – Просто открыла багажник и выпустила их обоих. Грубо нарушила положения. – Краткая улыбка вспыхнула на ее плотно сжатых губах и тут же исчезла. – Как, для тебя это достаточно серьезно?

– Пойди поищи себе своего лепрекона, – отозвалась я, протягивая руку к своей чашке, но вовремя спохватываясь. На ее ручке все еще сидел Дженкс.

Айви рассмеялась. Смех вышел холодный, и на сей раз я действительно задрожала.

– Верно, я сама выбираю себе задания, – сказала она. – Как по-твоему, что случится, если я отправлюсь за лепреконом, напортачу с ним, а потом попытаюсь уйти из ВБ?

Напротив меня тяжело вздохнула лепреконша.

– Никакие желания тут бы не помогли, – пропела она. – Очень тяжело было бы выдать это за простое совпадение.

– А ты, Дженкс? – хрипло спросила я. Дженкс пожал плечами.

– Мне нужно желание. Оно даст мне то, чего мне никогда не сможет дать ВБ. Мне нужно бесплодие, чтобы моя жена меня не бросила. – Он по кривой подлетел к лепреконше. – Или для тебя это слишком сложно, плесень зеленая? – стал насмехаться феек, широко расставив ноги и положив ладони на бедра.

– У, сикараха, – проворчала та. Мои амулеты стали позвякивать, когда лепреконша не на шутку вознамерилась раздавить моего наводчика. Крылышки Дженкса аж покраснели от злости, и я всерьез задумалась, не загорится ли летающая с них пыльца.

– Бесплодие? – переспросила я, стараясь не уходить от темы.

Выразительно показав лепреконше средний палец, Дженкс зашагал по столу прямоком ко мне.

– Ну да, – сказал он. – Знаешь, сколько у меня уже мелких спиногрызов?

Даже Айви, кажется, удивилась.

– Так ты из-за этого собираешься жизнью рискнуть? – спросила она.

Дженкс испустил звонкий смешок.

– А кто сказал, что я вообще жизнью рискую? ВБ будет глубоко наплевать, если я уйду. Фейки никаких контрактов не подписывают. Нас слишком быстро из виду теряют. Я свободный агент. И всегда им был. – Он ухмыльнулся, выглядя слишком уж хитромудро для такой крылатой мелочи. – И всегда буду. Я так прикидываю, моя жизнь продлится чуть дольше, если мне придется работать только на вас двоих, верзилы несчастные.

Я повернулась к Айви.

– Я знаю, что ты подписывала контракт. В ВБ тебя обожают. Если кому-то и следует тревожиться о какой-то угрозе, так это как раз тебе, а не мне. Зачем тебе так рисковать ради... ради... – Я заколебалась. – Ради пустого места? Какое желание может окупить такой риск?

Лицо Айви буквально окаменело. На нее словно бы наплыла какая-то черная тень.

– Я не обязана тебе ничего рассказывать.

– Я не такая дура, – продолжила я, стараясь скрыть свое беспокойство. – Откуда мне знать, не возьмешься ли ты за старое?

Явно оскорбленная, Айви сверлила меня глазами до тех пор, пока я, похолодев до костей, не опустила взгляд. «Пожалуй, – подумала я, – это была не слишком удачная мысль».

– Я не практикующая вампирша, – наконец сказала Айви. – Уже давно. И больше никогда ею не буду.

Поняв, что опять играюсь со своими влажными волосами, я заставила себя опустить руку. Уверенные слова Айви убеждали только отчасти. Бокал уже был наполовину пуст, а я припоминала, что она лишь раз из него отхлебывала.

– Ну что, партнеры? – спросила Айви, протягивая ладонь через стол.

«Партнеры с Айви? С Дженксом?». Айви была лучшим сыскным агентом, какой когда-либо имелся у ВБ. Конечно, мне, мягко говоря, льстило то, что она хотела на постоянной основе со мной работать, но это же самое не на шутку меня тревожило. С другой стороны, мне, как будто, не требовалось с ней жить. Только работать. Я медленно подняла руку и обменялась с Айви рукопожатием. Мои идеально очерченные красные ногти выглядели просто кричаще рядом с даже неотполированными ногтями изящной вампирши. Итак, два моих оставшихся желания пропали. Впрочем, я бы и так наверняка попусту их растратила.

– Партнеры, – сказала я, подрагивая от холода, идущего от ладони Айви.

– Порядок! – каркнул Дженкс, приземляясь аккуратно на наши сцепленные ладони. От сочащейся из фейка пыльцы прикосновение Айви словно бы потеплело. – Партнеры!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Боже милостивый, – чуть слышно простонала я. – Не допусти, чтобы меня вырвало. Нет, только не здесь. – Я подольше подержала глаза закрытыми, надеясь, что им не будет так больно от света, когда я их снова открою. Я сидела в своей кабинке на двадцать пятом этаже цитадели ВВ. Дневное солнце косо проникало внутрь, но поскольку мой стол находился почти в самой середине лабиринта проходов и кабинок, до меня оно никогда не доходило. Кто-то притащил с собой пончики, и от аромата сахарной глазури в животе у меня взбурлило. Впрочем, все, чего мне хотелось, это вернуться домой и хорошенько поспать.

Вытянув на себя верхний ящик стола, я пошарила там в поисках амулета от головной боли и жалобно застонала, когда выяснилось, что все эти амулеты у меня уже вышли. Тогда я уткнулась лбом в металлическую столешницу и сквозь узкую щелку меж края джинсов и растрепанных волос стала разглядывать свои высокие ботинки. Ради такого события, как день моего увольнения, я оделась вполне консервативно: в красную полотняную рубашку, заправленную в простые синие джинсы. На некоторое время больше никакой обтягивающей кожи.

Прошлая ночь стала ошибкой. Мне потребовалось слишком много бокалов, чтобы как следует отупеть, после чего я смогла официально отдать два моих оставшихся желания Айви и Дженксу. Я по-настоящему на этих двоих положилась. Любой, кто хоть что-нибудь знает про желания, прежде всего знает, что нельзя желать слишком многого. То же самое касается желания богатства. Деньги так просто ниоткуда не появляются. Если они все же откуда-то поступили, и если ты вдобавок не пожелала, чтобы тебя не застукали, тебя непременно повяжут за воровство.

Желания – вещь заковыристая, и именно поэтому большинство Внутриземцев в свое время выступило за то, чтобы получать сразу по три штуки. В ретроспективе я не так уж скверно ими распорядилась. Пожелав, чтобы меня не застукали после того, как я отпущу лепреконшу, я по крайней мере обеспечила себе уход из ВВ с незапятнанным личным делом. Если Айви была права, и меня действительно собирались угрохать за разрыв контракта, убийство следовало сделать похожим на несчастный случай. Но чего ради вэбэшному начальству было так напрягаться? Заказные убийства дорого стоили. К тому же оно само хотело, чтобы я ушла.

Айви получила вексель, чтобы реализовать свое желание как-нибудь позднее. Выглядел этот вексель совсем как старая монетка с дырочкой, так что Айви продела в дырочку пурпурный шнурок и повесила вексель себе на шею. Зато Дженкс растратил свое желание прямо в кафе и с гудением умчался прочь, чтобы сообщить своей жене радостное известие. Много лет утекло с тех пор, как у меня был последний ночной девичник, и я подумала, что на дне бокала я вполне могу найти отвагу сообщить начальству о своем увольнении. Короче, я там ее не нашла.

Ровно через пять секунд после начала моей отрепетированной речуги Денон легким движением руки вскрыл конверт манильской бумаги, вытащил оттуда мой контракт и порвал его в клочья, после чего тактично выразился в том смысле, чтобы через полчаса ноги моей в этом здании больше не было. Мой значок и вэбэшные наручники остались у него в столе; зато амулеты, что их украшали – у меня в кармане.

Семь лет службы в ВВ оставили меня с богатой россыпью всевозможных безделушек и устаревших памяток. Дрожащими пальцами я потянулась к дешевой вазе с толстыми стенками, которая, бывало, месяцами не чуяла в себе ни одного цветка. Ваза отправилась в мусор – точно так же, как и в свое время тот кретин, который мне ее подарил. А вот тигель для приготовления растворов пошел в коробку у меня под ногами. Покрытая соляной коркой голубая керамика грубо заскребла по картону. Последний раствор высох еще на прошлой неделе, и остатки соли теперь пылили.

Следом загрохотал большой штырь из красного дерева. Этот штырь был слишком толст, чтобы сделать из него волшебную палочку. Да и в любом случае я была не настолько хороша, чтобы делать волшебные палочки. Штырь я купила, намереваясь изготовить себе набор амулетов для распознавания лжи, но руки так и не дошли. Такие амулеты проще было купить. Вытянув руку дальше, я схватила список телефонных номеров моих прежних связников. Быстрый взгляд, чтобы убедиться, что никто не смотрит, – и я в темпе убрала список из поля зрения, засовывая его в коробку рядом с тиглем для приготовления растворов и прикрывая CD-плеером с наушниками.

У меня завалилось несколько справочников, которые следовало вернуть сидящей через проход от меня Джойс, зато контейнер с солью, на котором они покоились, некогда принадлежал моему папе. Я поставила контейнер в коробку, пытаясь прикинуть, что подумал бы папа о моем увольнении.

– Пожалуй, это стало бы для него ударом, – прошептала я себе под нос, скрипя зубами от мучительного похмелья.

Подняв глаза, я пристальным взором окинула уродливые желтые перегородки. Мои глаза сузились, когда со всех сторон на меня подняли головы мои сослуживцы. Они стояли повсюду плотными группками, прикидываясь занятыми, а на самом деле вовсю судачили. Испуская медленный вздох, я протянула руку к черно-белой фотографии Уотсона, Крика и стоящей позади них двоих женщины, Розалинды Франклин. Троица ученых стояла перед своей моделью ДНК, и в улыбке Розалинды проскальзывал тот же скрытый юмор, что и у Моны Лизы. Можно было подумать, будто она уже знает, что будет дальше. Я задумалась, не была ли Розалинда Внутриземкой. Множество людей на самом деле были скрытыми Внутриземцами. Я хранила эту фотографию как постоянное напоминание о том, насколько мир зависит от всяких мелких деталей, ускользающих от всеобщего внимания.

Прошло уже сорок лет с тех пор, как четверть человечества вымерла, пораженная смутировавшим вирусом под названием «Ангсл-Т4». И, несмотря на частые заявления телевизионных евангелистов об обратном, в этом была наша собственная вина. Все началось со старой доброй человеческой паранойи и ею же закончилось.

Тогда, в пятидесятые, Уотсон, Крик и Франклин объединили свои умы и за шесть месяцев решили загадку ДНК. На этом все могло бы и остановиться, но тогдашний Советский Союз подхватил технологию. Подгоняемые страхом войны, в развивающуюся науку потекли большие деньги. В начале шестидесятых у нас уже был вырабатываемый бактериями инсулин. Последовал подлинный расцвет производства биоинженерных лекарств, наводнивший рынок побочными продуктами куда более зашхеренной разработки Соединенными Штатами биоинженерного оружия. До Луны мы на самом деле так и не добрались, обращая науку не наружу, а внутрь, чтобы в конечном итоге едва не покончить с собой.

А затем, ближе к концу того десятилетия, кто-то допустил ошибку. Вопрос о том, кто ее допустил, Советский Союз или Соединенные Штаты, так и остался спорным. Где-то в холодных арктических лабораториях вышел из-под контроля смертоносный штамм ДНК. За собой он оставил сравнительно умеренную тропу смертей, идентифицированную и тщательно размеченную соответствующими службами, тогда как широкая общественность пребывала обо всем этом в полном неведении. Однако в то самое время, когда ученые заканчивали свои отчеты и клали их на полки, вирус мутировал.

В конце концов он внедрился в биоинженерный помидор, найдя слабое звено в модифицированной цепочке ДНК этого самого помидора, которое исследователи посчитали слишком незначительным, чтобы о нем тревожиться. Помидор стал официально известен под своим лабораторным названием «Ангел-Т4» – и отсюда взялась кличка вируса, «Ангел».

Не сознавая того, что вирус использует помидор «Ангел-Т4» в качестве промежуточного «хозяина», партии этих помидоров отправили на авиалинии. И через шестнадцать часов было

уже слишком поздно. За последующие жуткие три недели страны третьего мира оказались буквально выкошены, а население Соединенных Штатов уменьшилось на одну четверть. Войска были сосредоточены на границах, а государственная политика стала выражаться во фразе: «Извините, но ничем не можем помочь». Да, США страт дали, там умирали люди, но по сравнению с тем склепом, в который превратился остальной мир, это казалось сущей безделицей.

И все же главной причиной спасения цивилизации стали вовсе не правительственные меры, а тот простой факт, что большинство Внутриземцев оказались резистентны к вирусу «Ангел». Ведьмы, немертвяки и меньшие виды вроде троллей, фей и фейков вообще никак не пострадали. Вервольфы, живые вампиры и лепреконы отделались гриппом. А вот эльфы полностью вымерли. Был сделан вывод, что в данном случае аукнулась их давнишняя практика скрещивания с людьми ради пополнения своих рядов. Именно из-за нее эльфы сделались восприимчивы к вирусу «Ангел».

Когда все устаканилось, и вирус «Ангел» был полностью изничтожен, число Внутриземцев, общее по всем видам, стало худо-бедно сопоставимо с числом людей. И мы в темпе за этот шанс ухватились. Поворот, как его стали называть, начался в полдень с одного-единственного фейка. А закончился в полночь, когда все человеческое население, фигурально выражаясь, сгрудилось под столом, пытаясь свыкнуться с тем непреложным фактом, что оно еще с незапамятных времен живет бок о бок с ведьмами, вампирами и оборотнями.

Первой инстинктивной реакцией человечества стало жгучее желание стереть нас с лица Земли. Однако это желание стремительно испарилось, когда людям было наглядно продемонстрировано, что именно мы сохранили структуру цивилизации и взяли власть в свои руки, когда мир начал распадаться на куски. Если бы не мы, уровень смертности стал бы гораздо выше.

И все равно первые годы после Поворота на Земле царил сущий дурдом. Боясь ударить по нам, Внутриземцам, люди, как это обычно у них водится, нашли себе другого козла отпущения. Медицинские исследования были объявлены вне закона. Специально снаряженные отряды сровняли с землей все биолaborатории. Оставшиеся в живых биоинженеры предстали перед судом и подверглись не иначе как легализованному истреблению. Вторая, менее заметная волна смертей последовала, когда вместе с биотехнологией был безвозвратно уничтожен источник новой медицины.

Было всего лишь вопросом времени, прежде чем человечество настояло на учреждении чисто человеческого института слежки за деятельностью Внутриземцев. Так возникло Федеральное Внутриземное Бюро, которое стало быстро впитывать в себя и заменять местные органы охраны правопорядка по всем Соединенным Штатам. Тогда безработные полицейские и агенты федеральной службы из Внутриземцев сформировали свою собственную полицию, Внутриземную Безопасность. Вражда между двумя этими организациями не ослабевает и сегодня, служа в принципе разумной задаче сдерживания более агрессивных Внутриземцев.

Четыре этажа главного здания ФВБ в Цинциннати целиком отведены под размещение сил по обнаружению нелегальных биолaborаторий, где за хорошую цену по-прежнему можно получить чистый инсулин и что-нибудь для отваживания лейкемии. Укомплектованное людьми ФВБ с той же упорной навязчивостью отыскивает запрещенные технологии, с какой ВБ убивает с улиц сильный психоделический наркотик под простым названием «сера».

«И вся эта каша заварилась в тот самый момент, когда Розалинда Франклин заметила, что ее карандаш оказался сдвинут с привычного места, что кто-то побывал там, где ему быть не полагалось», – подумала я, кончиками пальцев осторожно потирая разламывающуюся на куски голову. Мелкие улики. Легкие намеки. Вот что на самом деле вращает миром. И это же самое сделало меня таким хорошим агентом. Улыбаясь Розалинде в ответ, я стерла с рамки отпечатки своих пальцев и положила фотографию в коробку.

Тут у меня за спиной раздался взрыв смеха, и я выдернула следующий ящик стола, роясь в куче грязных самоклеящихся заметок и скрепок для бумаг. Моя расческа оказалась там, где я всегда ее оставляла, и узел тревог дал легкую слабину, когда я швырнула ее в коробку. Волосы традиционно использовались для того, чтобы делать заклинания целенаправленными. Если бы Денон и впрямь собирался вынести мне смертный приговор и привести его в действие, он бы наверняка постарался раздобыть мою расческу.

Затем мои пальцы нащупали гладкую тяжесть отцовских карманных часов. Все остальное в этом ящике мне не принадлежало, и я крепко его захлопнула, цепенея от ужаса, когда моя голова, как показалось, наконец-таки собралась лопнуть. Стрелки часов показывали без семи минут полночь. Папаша обычно дразнил меня, утверждая, что часы остановились в ту самую ночь, когда они с мамой меня зачали. Горбясь на стуле, я аккуратно положила часы в нагрудный карман. И в голове у меня тут же возник образ отца – как он стоит в дверях кухни, переводя взгляд со своих карманных часов на большие настенные часы над раковиной. Лукавая улыбка кривила его длинное лицо, пока он размышлял над тем, куда подевались недостающие секунды.

Мистера Фиша – рыбку в стекляшке, подаренную мне на прошлогодней вечеринке в конторе, – я пристроила в тигель для приготовления растворов, от всей души надеясь на то, что ни вода, ни рыбка оттуда не выплеснутся. Следом я швырнула жестянку с рыбьим кормом. Тут мое внимание привлек глухой шум, доносившийся от дальнего конца поделенного перегородками помещения – из-за закрытой двери кабинета Денона.

– Ты и на метр из этой двери не выйдешь, Тамвуд, – донесся его приглушенный крик. Гул разговоров мгновенно затих. Должно быть, Айви только что объявила о своем увольнении. – У меня есть твой контракт. Ты на меня работаешь, а не наоборот! Только попробуй уйти, и я... – Тут из-за закрытой двери донесся грохот. – Вот блин... – негромко продолжил Денон. – Сколько же тут всего?

– Достаточно, чтобы рассчитаться за мой контракт, – холодно ответила Айви. – Хватит и тебе, и тем трупам в цокольном этаже. Ну как, пришли мы к согласию?

– Да, – с чем-то вроде алчного благоговения отозвался Денон. – Пришли. Ты уволена.

Тут мне показалась, будто мою голову до отказа набили ватой, и я опустила ее на сложенные чашечками ладони. Значит, у Айви были деньги? Почему же она прошлой ночью ничего не сказала?

– Пошел ты на Поворот, Денон, – в полной тишине отдельно произнесла Айви. – Ты меня не увольняешь. Я сама увольняюсь. Ты можешь забрать мои деньги, но высокую кровь тебе не купить. Ты второй сорт, и никакие деньги этого не изменят. Даже если я буду валяться в канаве бок о бок с вонючими крысами, я все равно останусь выше тебя. Сейчас тебя просто убивает то, что мне больше не придется слушаться твоих приказаний.

– Только не думай, что это гарантирует тебе безопасность! – взревел Денон. Я почти видела, как у него на шее пульсирует вздутая вена. – Вокруг нее вечно несчастные случаи происходят. Встань поближе, и можешь проснуться мертвой.

Тут дверь кабинета Денона распахнулась, и оттуда в бешенстве вырвалась Айви. Она так неистово захлопнула за собой дверь, что во всей конторе на секунду погас свет. Сомневаюсь, что Айви вообще меня заметила, пока проносилась мимо на выход. С тех пор, как мы расстались, она успела напялить на себя шелковую хламиду по самые икры. Учитывая свои сексуальные предпочтения, я с легкостью признала, что выглядела Айви просто великолепно. Подол хламиды развевался позади, пока она убийственными шагами мерила пол. Гневные пятнышки выступили на бледном лице вампирши. Напряжение так из нее и сочилось, столь сильное, что его почти можно было разглядеть.

Нет, Айви не собиралась вампирствовать – она просто бесилась, как бывает с любой женщиной, вышедшей и трудного положения. Но даже при всем при том она оставляла за собой холодный кильватер, куда не попадал проникающий в помещение солнечный свет. Пустая хол-

щовая сумка висела у нее на плече, а желанный вексель по-прежнему болтался на шее. «Умная девочка, – подумала я. – Припасает свое желание на совсем черный день». Айви вылетела на лестницу, и я мученически закрыла глаза, когда металлическая противопожарная дверь с грохотом врезалась в стену.

Дженкс залетел ко мне в кабинку, носясь вокруг моей головы как психованный москит и гордо показывая заплату у себя на крылышке.

– Привет, Рэчел! – несносно радостным голосом воскликнул феек. – Как дела?

– Не так громко, – жалобно прошептала я. Готовая отдать все на свете за чашку кофе, я тем не менее сомневалась, что она стоит двадцати шагов до кофейника. Дженкс был одет во все штатское, дисгармонично-цветастое. Лиловое никак не идет к желтому. Никогда не шло и никогда не пойдет. Господи помилуй, пластырь на крылышке у фейка тоже был лиловым. – Тебя что, похмелье не мучит? – выдохнула я.

Дженкс ухмыльнулся, пристраиваясь на моем стаканчике для карандашей.

– Не-а, ни капельки. У фейков слишком быстрый обмен веществ. Алкоголь мигом обращается в сахар. Правда классно?

– Еще как. – Я завернула в мягкую тряпочку фотографию, где я была снята вместе с мамой, и положила ее рядом с Розалиндой. На секунду меня развлекла мысль о том, чтобы рассказать маме, что я уволилась. Однако по вполне очевидным причинам я решила от этой мысли отказаться. Лучше было подождать, пока я обзаведусь новой работой. – С Айви все хорошо? – спросила я у фейка.

– Ага. Все с ней будет отлично. – Дженкс перелетел на мой цветочный горшок с лавром. – Она только что выложила все, что требовалось, чтобы рассчитаться за контракт и прикрыть себе задницу.

Я кивнула. Как удачно, что они сами хотели, чтобы я ушла. Все будет гораздо легче, если ни за голову Айви, ни за мою никакой цены не назначат.

– А ты знал, что у нее были деньги?

Смахнув пыль с лаврового листка, Дженкс на него присел. На лице у него появилось выражение превосходства. Подобную мину не так легко принять, когда ты всего четыре дюйма в высоту и расфуфырен как полоумная бабочка.

– Ну-у, вообще-то да... Ведь Айви последний живой представитель своего рода. Честно говоря, я бы на несколько деньков оставил ее в покое. Сейчас она взбешена как мокрая оса. Потеряла свой загородный дом, землю, акции, все. Остался только городской особняк у реки, да и тот принадлежит ее мамаше.

Откинувшись на спинку стула, я развернула свой последний пластик коричной жевательной резинки и сунула его себе в рот. А Дженкс с шумом приземлился в мою картонную коробку и принялся не в меру там любопытствовать.

– Да, кстати, – пробормотал он. – Айви сказала, что уже сняла точку. У меня есть адресок.

– Прочь с моих вещей. – Я угрожающе щелкнула в его сторону пальцем, и феек перелетел обратно на лавр, становясь на самую верхнюю веточку, чтобы понаблюдать за тем, как все в конторе шушукаются и сплетничают. Когда я нагнулась, чтобы очистить нижний выдвижной ящик, в висках у меня дико забарабанило. «Зачем Айви отдала Денону все, что имела? – задумалась я. – Почему было не воспользоваться желанием?»

– Крепись, – сказал Дженкс, соскальзывая по стволу растения и прячась в листве. – Вот он идет.

Выпрямившись, я увидела Денона на полпути к моему столу. Блюдолиз Фрэнсис, вонючий конторский доносчик, отлепился от одной из компашек и последовал за хозяином. Мой бывший начальник сверлил меня глазами поверх стенок кабинки. Поперхнувшись от этого взгляда, я невольно проглотила коричную резинку.

Если покороче, Денон выглядел как профессиональный борец с обходительностью доктора каких-нибудь там наук: здоровяк, стальные мышцы, идеальная красновато-коричневая кожа. Как и Айви, Денон был живым вампиром. Но, в отличие от Айви, он был рожден человеком, а уже потом обратился. Это сделало Денона низкокровным, навеки определяя его убогую второсортность в вампирском мире.

Но даже при всем при том Денон представлял собой силу, с которой приходилось считаться. Он очень славно потрудился, преодолевая свое весьма неблагородное происхождение. Изобилие мышц служило Денону не просто украшением: в его более сильном, усвоенном качестве оно элементарно сохраняло ему жизнь. Он обладал нестареющей внешностью вампира, регулярно кормящегося от настоящих немертвяков. Только немертвяки могли обращать людей в вампиров, и, судя по его здоровой наружности, Денон явно был у них фаворитом. Половина сотрудников нашего отдела жаждала послужить ему сексуальной игрушкой. Другую половину начальник до смерти запугал. Я всегда гордилась своей принадлежностью к последней.

Пальцы мои задрожали, когда я взяла вчерашнюю кофейную чашку и притворилась, будто я из нее отхлебываю. Пока Денон двигался, его мощные руки ходили как поршни. Желтая спортивная рубашка начальника отдела резко контрастировала с его черными брюками. Брюки были в обтяжку, наглядно демонстрируя мускулистые ноги и тонкую талию. Народ подброду поздраву убирался с его дороги. Некоторые вообще ушли с этажа. Господи, прости и помилуй, если я напортачила со своим единственным желанием, и теперь буду поймана за руку.

Раздался скрип пластика, когда Денон навалился на самый верх полутораметровой стенки. Я на него не смотрела, сосредоточиваясь вместо этого на дырках, оставленных моими кнопками на шершавых как мешковина перегородках. Кожу у меня на руках щекотало, словно Денон водил по ней пальцами. Его присутствие словно бы завихрялось вокруг меня, отражаясь от задней стенки кабинки, пока мне не стало казаться, будто он стоит не только спереди, но и сзади. Мой пульс участился, и я сосредоточилась на Фрэнсисе.

Этот сопляк уселся на стол Джойс и теперь расстегивал верхнюю пуговицу синей пластиковой куртки. Да еще ухмылялся, показывая свои идеальные зубы, явно с коронками. Прямо у меня на глазах Фрэнсис закатал рукава куртки, обнажая тощие ручонки. Его треугольной формы физиономию обрамляли волосы по мочки ушей длиной, которые ему то и дело приходилось смахивать с глаз. Фрэнсис считал, что это придает ему некий мальчишеский шарм. А я считала, что так он выглядит только что разбуженным недоумком.

Хотя было еще только три часа дня, густая щетина оттеняла гнусную рожу доносчика. Воротник его «гавайки» был намеренно поднят. В конторе шутили, что Фрэнсис старается походить на Сонни Крокетта, но его и без того узкие глаза были вечно прищурены, а нос слишком длинен и тонок, чтобы его еще и оттягивать. Как трогательно.

– Я знаю, что здесь происходит, Морган, – сказал Денон, резко переключая мое внимание на него. Такой низкий гортанный голос позволялось иметь только неграм и вампирам. Низкий и сладкий. Льстивый. От сокрытого в нем обещания кожа моя натянулась, и страх омыл меня с головы до ног.

– Прошу прощения? – отозвалась я, обрадованная тем, что не сиплю и не хриплю. Мгновенно приободрившись, я встретила его взгляд, но тут же резко выдохнула и напряглась. Проклятье, он в три часа дня давил на меня аурой. Вот гад!

Денон перегнулся через перегородку, кладя руки на самый ее верх. Бицепсы его вздулись, а вены набухли. Волоски у меня на загривке тут же встали торчком, и я принялась отчаянно сражаться с желанием заглянуть себе за спину.

– Все думают, что ты уходишь из-за тех никчемных заданий, которые я тебе давал, – сказал Денон. Его утешный голос словно бы ласкал каждое слово, слетавшее с его губ. – И они правы.

Он выпрямился, и я вздрогнула от резкого скрипа пластика. Карие радужки глаз Денона целиком скрылись за расширившимися зрачками. Нет, вот ведь гад!

– Я все два последних года только и старался от тебя избавиться, – продолжил Денон. – Но тебе просто везло. – Он улыбнулся, показывая мне свои человеческие чубы. – Ты вконец меня достала. И я тебя подставлял. Вшивые наводчики, невнятные донесения, утечки твоим мишеням. Но когда я наконец-то заставил тебя уйти, ты забираешь с собой моего лучшего агента. – Взгляд вампира стал еще напряженней. Я заставила себя расцепить ладони, и внимание Денона переключилось на них. – Вот это, Морган, уже совсем скверно.

«Я тут ни при чем», – подумала я, и моя тревога частично развеялась от внезапного понимания. Я действительно была ни при чем. Все те ошибки не были моими. Но тут Денон целиком заполнил проем в стенке, который вообще-то был моей дверцей.

В каком-то скользющем дребезжании металла и пластика я вдруг поняла, что вскочила на ноги и прижалась к столу. Бумаги зашелестели, а мышка упала со своего коврика, раскачиваясь на проводе. Глаза Денона были сплошь черные зрачки. Кровь стучала у меня в голове.

– Не нравишься ты мне, Морган, – медленно произнес Денон. Его дыхание словно бы окатывало меня чем-то липким. – И никогда не нравилась. Твои методы слишком вольные и сентиментальные – совсем как у твоего отца. Но в то, что ты не сумела повязать ту лепреконшу, мне просто не верится. – Тут его глаза уставились куда-то вдаль, и я вдруг поняла, что сдерживаю дыхание, пока они стекленели и словно бы наполнялись нужным пониманием.

«Пожалуйста, работай, – взмолилась я к своему желанию. – Ну что тебе стоит просто поработать?». Денон придвинулся еще ближе, и я всадила ногти себе в ладони, чтобы не податься назад и все не испортить. Дышать я себя уже откровенно заставляла.

– Просто не верится, – повторил Денон, словно по-прежнему пытаюсь все просечь. Но ничего у него не вышло, и он лишь в наигранном смятении покачал головой.

Я невольно выдохнула, когда Денон от меня отстранился. Он перестал смотреть мне в глаза, переводя взгляд на мою шею, где отчаянно колотилась жилка. На его прекрасной шее был только один шрам.

– Как только ты выйдешь на улицу, – прошептал Денон, – ты станешь законной добычей. Настоящий шок от этих слов отвратительно перемешался с моей тревогой. И так, он все-таки назначал цену за мою голову.

– В-вы не вправе... – с запинкой выдавила я. – Вы сами хотели, чтобы я ушла.

Денон даже не шевельнулся, но как раз его неподвижность до предела усилила мой страх. Я потрясенно распахнула глаза, когда он медленно выдохнул, а его губы стали краснеть и надуваться.

– Пойми, Рэчел, кто-то должен за это ответить, – прошептал Денон, и от того, как он произнес мое имя, лицо мое похолодело. – Жизнью ответить. Тамвуд я убить не могу. Так что ты станешь ее козлом отпущения. – Он смотрел на меня исподлобья. – Прошу прощения, козой. Прими мои поздравления.

Моя рука сама собой оторвалась от моей шеи и бессильно упала, когда Денон выскользнул из кабинки. Плавности движений Айви ему явно недоставало. Сказывалась несопоставимость высокой и низкой крови: разница между тем, кто родился вампиром, и тем, кто родился человеком и был обращен. Как только Денон оказался в проходе, тяжелая угроза в его глазах бесследно рассеялась. Достав из заднего кармана конверт, он швырнул его мне на стол.

– Насладись своей последней зарплатой, Морган, – громко сказал Денон, адресуясь скорее ко всем остальным, нежели ко мне. Затем он отвернулся и пошел прочь.

– Но вы же сами хотели, чтобы я уволилась... – прошептала я, пока мой бывший начальник исчезал в лифте. Дверцы закрылись; красная стрелочка, указывающая вниз, ярко засветилась. Надо полагать, теперь Денону требовалось рассказать обо всем своему начальству. Навер-

няка он пошутил. Просто не верилось, что ВБ могла назначить цену за мою голову из-за такой ерунды, как уход Айви со мной за компанию. Или все же могла?

– Скатертью дорога, Рэчел.

Услышав этот гнусавый голос, я резко вскинула голову. Да, я совсем забыла про Фрэнсиса. Соскользнув со стола Джойс, доносчик привалился к моей стенке. После того, как точно так же сделал Денон, эффект от столь откровенного подражания стал для меня комичным. Я медленно осела на вращающийся стул.

– Я шесть месяцев дожидался, пока тебя наконец припрет, и ты отсюда свалишь, – сказал Фрэнсис. – Не знал, что тебе для этого всего лишь напиток потребуется.

Приступ гнева сжег остатки моего страха, и я снова занялась сбором своих вещичек. Мои пальцы совсем онемели от общения с Деноном, и я попыталась втереть в них немного тепла. Дженкс выбрался из своего укрытия и перепорхнул на самый верх моего лавра.

Фрэнсис закатал рукава своей поганой куртки до локтей. Одним пальцем убирая с дороги конверт с моей зарплатой, он уселся на мой стол, оставив одну ногу на полу.

– А вообще-то времени потребовалось куда больше, чем мне поначалу казалось, – стал насмехаться доносчик. – Либо ты тупа как пробка, либо не в меру упряма. Так или иначе, ты уже труп. – Тут Фрэнсис с жутким хлюпаньем высморкался. У меня возникли нешуточные опасения на предмет целостности и сохранности его хрупкого длинного носа.

С грохотом захлопнув ящик стола, я чуть-чуть не поймала им пальцы доносчика.

– А что, Фрэнсис, ты хочешь мне что-то такое поведать?

– Пусть будет Фрэнк, – сказал он, пытаясь принять покровительственный вид, но вместо этого имея вид предельно жалкий и простуженный. – Не трудись удалять свои компьютерные досье. Они теперь мои – и твой стол тоже.

Я взглянула на свой монитор с экранной заставкой в виде большой пучеглазой лягушки. Лягушка эта то и дело пожирала муху с физиономией Фрэнсиса.

– С каких это пор трупы в цокольном этаже позволяют низким колдунам вести дела? – холодно осведомилась я, упирая на его квалификацию. Фрэнсис был недостаточно хорош, чтобы ранжироваться ведьмаком. Он мог инициировать заклинание, но у него не имелось ноу-хау, чтобы привести его в действие. Я же это проделывала, хотя мне обычно и приходилось покупать себе амулеты. Впрочем, так было проще и, пожалуй, безопаснее для меня и для моей мишени. Не моя вина была в том, что целые тысячелетия стереотипирования определили женщин как ведьм, а мужчин – всего лишь как колдунов.

Судя по всему, Фрэнсис как раз хотел, чтобы я об этом спросила.

– Рэчел, девочка моя, ты не единственная, кто стряпать умеет. – Нагнувшись к моей коробке, он изъял оттуда авторучку и поставил ее обратно в стаканчик для карандашей. – Меня уже давным-давно в ведьмаки произвели. Я просто не хотел пачкать себе руки, выясняя, как привести в действие заклинание. Впрочем, мне не следовало так долго ждать. Это проще пареной репы.

Я снова выдернула авторучку из стаканчика и сунула ее себе в задний карман.

– Что ж, желаю удачи.

«Фрэнсиса произвели в ведьмаки? – подумала я. – Должно быть, в ВБ резко снизили требования».

– Спасибо, – отозвался Фрэнсис, нагло чистя себе ногти одним из моих серебряных кинжалчиков. – Значит, беру твой стол, всю твою нагрузку и даже твою служебную машину.

– У меня нет служебной машины.

– Зато у меня теперь есть. – Страшно довольный собой, Фрэнсис отряхнул воротник своей рубашки с узором из пальм. Я тут же дала себе клятву держать рот на замке, не желая предоставлять ему хотя бы еще одного шанса похвастаться. – Да, вот так-то, – продолжил доносчик, испуская излишне наигранный вздох. – Мне машина непременно потребуется.

Денон дал мне задание в понедельник Трентона Каламака допросить. – Тут Фрэнсис заржал. – Пока ты тут со своими жалкими задержаниями мудохалась, я провел операцию, в результате которой мы два кило «серы» перехватили.

– Подумаешь, большое дело, – отозвалась я, готовая его придушить.

– Это вовсе не объем партии. – Фрэнсис смахнул с глаз свои паскудные волосы. – Два кило весил наркокурьер.

Все это не на шутку меня заинтересовало. Имя Трента Каламака в связи с «серой»?

– А кто это был?

Фрэнсис соскользнул с моего стола. Споткнувшись о мои конторские тапочки, розовые и пушистые, он чуть было не упал. Затем, все-таки удержав равновесие, нацелил на меня палец, точно пистолет.

– Стерегись, Морган. Не лезь не в свое дело.

Мое терпение лопнуло. С перекошенным лицом я выбросила ногу, врезая ему сзади под коленку. Не успел подонок толком грохнуть об пол, как я уже поставила ногу ему на спину, сминая гнусную пластиковую куртку. Моя рука сама собой хлопнула меня по бедру, готовая ухватить наручники. Но их там уже не было. Дженкс, летая у меня над головой, всю аплодировал. А вся контора сперва тревожно ахнула, а затем погрузилась в тишину. Никто не вмешался. Народ даже на меня не смотрел.

– Пойми, куколка, мне уже терять нечего, – прорычала я, нагибаясь к Фрэнсису, пока до меня не дошел смрад его пота. – Как ты сам выразился, я уже труп. А потому от того, чтобы прямо сейчас выцарапать тебе глаза, меня удерживает лишь простое любопытство. Я сейчас снова тебя спрошу. Кого ты задержал с «серой»?

– Брось, Рэчел! – воскликнул доносчик. Он был вполне способен сбить меня с ног, но боялся даже попробовать. – Ты же в глубокой... Ой! Не надо! – завопил он, когда мои ногти зарылись в самый верх его правого века. – Это была Йолин. Йолин Бейтс!

– Секретарша Трента Каламака? – уточнил Дженкс, паря у меня над плечом.

– Ну да, – подтвердил Фрэнсис, елозя физиономией по ковровому настилу, пока он поворачивал голову, чтобы меня увидеть. – Или, скорее, его покойная секретарша. Проклятье, Рэчел! Слезай с меня!

– Она мертва? – Встав на ноги, я спешно отряхнула джинсы.

Фрэнсис мрачно поднялся. Тем не менее, мой интерес к затронутой теме доставлял ему определенную радость – иначе он бы уже отсюда сдул.

– Можешь не сомневаться, – сказал доносчик, поправляя свой воротник. – Вчера ее нашли в карцере ВБ без всяких признаков жизни. Она была колдуньей.

Последнюю фразу Фрэнсис произнес снисходительным тоном, и я одарила его мрачной улыбкой. Как легко было находить презрение к тем, в чьих рядах ты сам всего неделю тому назад находился. «Трент Каламак», – задумалась я, чувствуя, как мой взгляд устремляется куда-то вдаль. Если бы я сумела доказать связь Трента с поставками «серы» и подать его ВБ на блюдечке с голубой каемкой, Денону пришлось бы оставить меня в покое. ВБ уже не один год гонялась за Трентом Каламаком, а сеть распространения «серы» тем временем все росла и росла. Никто даже не знал, был он человеком или Внутриземцем.

– Блин, Рэчел, – заныл Фрэнсис, ощупывая свою помятую морду. – Ты мне нос расквасила.

В голове у меня прояснилось, и я обратила на доносчика насмешливый взгляд.

– Ты же теперь ведьмак. Просто приведи в действие заклинание. – Я не сомневалась, что ему пока еще слабо как следует это сделать. Нет, Фрэнсису придется позаимствовать у кого-нибудь это заклинание – точно так же, как тому жалкому колдуну, которым он был совсем недавно. И я могла поручиться, что это дьявольски его раздражало. Хорошенько подумав, Фрэнсис просто зажал себе нос и резко развернулся к двери.

Я ощутила вес на своей серьге, когда Дженксу вздумалось опять на нее сесть. Фрэнсис тем временем уже топал прочь по проходу, неловко наклоняя голову. Край куртки доносчика раскачивался вместе с его жалкой задницей, и я не смогла удержаться от смешка, когда Дженкс загудел тему из «Полиции Майами».

– Вот тварь болотная, – сказал феек, когда я снова повернулась к столу.

Засовывая горшок с лавром в свою коробку, я опять помрачнела. Голова по-прежнему болела. Мне страшно захотелось вернуться домой и хорошенько вздремнуть. Бросив последний взгляд на стол, я прихватила свои розовые тапочки и бросила их в коробку. Книги Джойс отправились на стул вместе с запиской насчет того, что я потом ей позвоню. «Значит, мой компьютер тебе понадобился?» – подумала я, дожидаясь, пока откроется нужный файл. Три щелчка мышкой – и я сделала так, что теперь уже нельзя было сменить экранную заставку, не испоганив всю систему.

– Я пошла домой, Дженкс, – прошептала я, бросая взгляд на настенные часы. Половина четвертого. Я всего полчаса пробыла на работе. И это казалось вечностью. Последний осмотр помещения дал мне только опущенные головы и сторбленные спины. Я там уже словно бы и не существовала. – А, пошли они все к черту, – пробормотала я, срывая со спинки стола свою куртку и протягивая руку к конверту с чеком.

– Ой! – взвизгнула я, когда Дженкс больно ущипнул меня за ухо. – Черт, Дженкс! Ты что, совсем охренел?

– Не трогай этот конверт! – воскликнул феек. – Дьявол тебя побери, женщина! Ведь Денон его заговорил!

Я оцепенела. Роняя куртку в коробку, я наклонилась над совершенно невинным на вид конвертом. Затем, закрыв глаза, сделала глубокий вдох, ища запах красного дерева. И наконец прикоснулась языком к нёбу на предмет привкуса серы, который обычно оставляла там черная магия. – Но я ничего не чувю.

Дженкс кратко усмехнулся.

– Зато я чувю. Это точно конверт. Единственное, что тебе дал Денон. И обрати внимание, Рэчел. Он черный.

Меня охватило какое-то нездоровое чувство. Нет, Денон не мог сказать об этом всерьез. Просто не мог.

Я окинула взглядом все помещение, но никакой помощи не узрела. Тогда я вынула из мусорной корзины дешевую вазу. В нее попала часть воды от мистера Фиша. Добавив в вазу щепотку соли, я окунула туда палец и сняла пробу. Затем добавила еще соли. Наконец, удовлетворившись тем, что соленость этой воды сравнялась с океанической, я вылила ее на конверт. Если его заговорили, соль должна была разрушить все чары.

Струйка желтого дыма потянулась от конверта.

– Вот блин, – прошептала я, не на шутку перепугавшись. – Береги нос, Дженкс, – добавила я, ныряя под стол.

С внезапным шипением черный заговор растворился. Желтый сернистый дым закрутился к потолку, где его в темпе засосала вентиляция. Вместе с ним туда затянуло раздавившиеся по всему помещению крики ужаса и гадливости. Последовала легкая суতোлка, когда все дружно устремились к дверям. Пусть я и была к ней готова, вонь тухлых яиц чуть не проела мне все глаза. Заговор оказался на редкость пакостным, нацеленным именно на меня, поскольку и Денон, и Фрэнсис безнаказанно касались конверта. Такой заговор задешево не купишь. Потрясенная, я вылезла из-под стола и оглядела опустевшее помещение.

– Ну что, теперь порядок? – спросила я, превозмогая кашель. Моя серьга слегка дернулась, когда феек кивнул. – Спасибо, Дженкс.

Ощущая неприятное бурление в животе, я швырнула мокрый конверт в коробку, после чего взяла ее в руки и зашагала по проходу мимо пустых кабинок. Похоже, насчет смертного приговора Денон не шутил. Просто класс. Лучше не бывает.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Рэ-э-эчел! – пропел тоненький назойливый голосок. Я прекрасно слышала его поверх шелканья сменяющихся передач и задыхающегося бурчания дизельного мотора автобуса. Голос Дженкса терзал мое внутреннее ухо еще хуже, чем нож, которым водят по краю тарелки. Моя рука аж задрожала от усилия сдержаться и как следует его не прихватить. Впрочем, мне никогда не удавалось даже его коснуться. Слишком уж шустр был этот мелкий надоеда.

– Я не сплю, – сказала я, пока феек снова не повторил того же самого. – Я просто даю отдохнуть глазам.

– Твои глаза сейчас так славно отдохнут, что ты мимо своей остановки проедешь... Плутовка. – Ну вот, теперь Дженкс прицепил ко мне прозвище, которым меня прошлой ночью достал таксист. Я чуть-чуть приоткрыла глаза.

– Не смей меня так называть. – Автобус стал заворачивать за угол, и я покрепче ухватилась за коробку у себя на коленях. – Мне еще два квартала, – выдавила я сквозь плотно сжатые зубы. От тошноты я уже отбилась, но головная боль никак не проходила. Слыша шум тренировки Малой лиги по бейсболу в парке неподалеку от моей квартиры, я точно знала, что мне еще два квартала.

Вторая тренировка, уже для Внутриземцев, проходила после заката.

Послышался шелест крыльев, когда Дженкс слетел с моей серьги и забрался в коробку.

– Мать твою перемать! – воскликнул он. – И это все, что тебе заплатили?

Мои глаза сами собой резко распахнулись.

– Прочь от моих вещей! – Ухватив сырой конверт, я засунула его в карман куртки. Дженкс по-прежнему корчил насмешливую рожу, и я потеряла у него перед носом большим и указательным пальцами, словно бы что-то между ними размазывая. Феек сразу все понял и в темпе убрал свои шелковые панталоны лилово-желтых тонов из сферы моей досягаемости, усаживаясь на самый верх переднего сиденья. – Тебе что, больше заняться нечем? – спросила я. – Помог бы лучше своей семье переехать.

Дженкс испустил пронзительный смешок.

– Помог бы им переехать? Вот уж хрен. – Крылышки его аж затрепетали от возмущения. – А кроме того, я должен обшмонать твоё жильё и убедиться, что там все в полном ажуре. Пока ты в собственном сортире ненароком не подорвалась. – Дженкс истерически расхохотался, и несколько пассажиров повернулись в мою сторону. Я пожала плечами, словно бы говоря: «Фейки, что с них возьмешь?»

– Большое спасибо, – поблагодарила я Дженкса. Н-да, феек-телохранитель. Денон бы до смерти уржался. Да, я была в долгу перед Дженксом за обнаружение заговора на моей зарплате, но у ВБ просто не было времени мастрячить что-то еще. Я прикидывала, что у меня есть в распоряжении еще несколько дней, если только Денон по-настоящему капитально за меня не взялся. Скорее всего, здесь имела место проделка типа «пусть тебя заклятие еще на рабочем месте угрожает».

Автобус остановился, и я поднялась с сиденья. Мучительно одолев ступеньки, я встала под предвечерним солнцем. Дженкс совершил над моей больной головой несколько донельзя досадных кругов. Я жила практически в центре Цинциннати, и двадцать лет тому назад этот район считался очень даже приличным. Кирпичное здание имело нить этажей в высоту и первоначально было построено дня университетского начальства. Однако прошло уже немало лет с тех пор, как этот дом видел последние вечерники, а за последние годы он особенно сильно сдал.

Черные почтовые ящики у парадного были уродливо измяты, а некоторые явно взломаны. Я получала свою почту непосредственно от домовладелицы, испытывая подозрение, что

она-то как раз и взламывает ящики, чтобы на досуге баловаться почтой своих жильцов. По обе стороны от широкой лестницы тянулись узенькие полоски газона с двумя раскоряченными кустами в самом конце. В прошлом году я посадила там семена тысячелистника, однако мистер Динки, чихуахуа домовладелицы, безжалостно их разрыл. Так же он, впрочем, поступил и со всем остальным газоном. Теперь здесь повсюду валялись клочки дерна, отчего двор напоминал волшебное поля боя.

– А мне еще казалось, будто я в поганом месте живу, – прошептал мне Дженкс, пока я поднималась по пораженным сухой гнилью ступенькам.

Мои ключи зазвенели, когда я, не выпуская из рук коробки, стала отпирать дверь. Тоненький голосок у меня в голове уже много лет твердил мне примерно о том же. Стоило мне только войти в прихожую, как аромат жарящейся еды атаковал мое обоняние, и я невольно сморщила нос. Один и тот же зеленый ковер, истертый и обтрепанный, бежал вверх по лестнице как снаружи, так и внутри дома. Миссис Бейкер опять вывернула на лестнице лампочку, но солнца, что через окно на площадке падало на обои с узором из розовых бутонов, было вполне достаточно, чтобы я нашла дорогу к своей квартире.

– Послушай, – сказал Дженкс, пока я поднималась по лестнице. – Вон то пятно на потолке аккуратно в форме пиццы.

Я подняла взгляд. Странно, раньше я никогда его не замечала.

– А вон та вмятина в стене? – продолжил феек, когда мы достигли второго этажа. – Она явно от чьей-то головы. Вот черт... если бы эти стены могли говорить.

Тут я обнаружила, что по-прежнему способна улыбаться. Ладно, подождем, пока он до моей квартиры доберется. В полу гостиной была приличная яма после того, как там кто-то костер разжигал.

Моя улыбка мигом исчезла, стоило мне только завернуть на площадку третьего этажа. Все мои вещи стояли в коридоре.

– Что за черт? – потрясенно прошептала я. Затем поставила на пол коробку и воззрилась на дверь миссис Талбу, домовладелицы. – Я же заплатила квартплату!

– Эй, Рэчел! – крикнул мне с потолка Дженкс. – Где твоя кошка?

УС нарастающим гневом я принялась разглядывать свою мебель. Втиснутая в узкий коридор, покрытый вшивым линолеумом, она словно бы занимала больше места.

– Рэчел! – заорал Дженкс. – Где твоя кошка, черт побери?

– Нету у меня кошки, – почти прорычала я. Это было мое больное место.

– А я думал, у всех ведьм есть кошки. Возмущенно поджав губы, я зашагала по коридору.

– От кошек у мистера Динки чих начинается. Дженкс летел у самого моего уха.

– У какого еще мистера Динки?

– Вон у того, – отозвалась я, указывая на непомерно большую фотографию белого чихуахуа, вставленную в массивную раму и висящую напротив двери домовладелицы. На уродливо-пучеглазом псе красовался один из тех бантов, какие счастливые родители обычно надевают на младенца, желая дать всем понять, что это девочка. Я забарабанила в дверь. – Миссис Талбу! Миссис Талбу!

Послышалось приглушенное тьяканье мистера Динки, а также скрежет когтей по той стороне двери. Дальше последовали отчаянные попытки домовладелицы все это заглушить. В ответ мистер Динки удвоил уровень шума, скребя когтями по полу и явно желая ко мне прорваться.

– Миссис Талбу! – крикнула я. – Почему мои вещи в коридоре?

– Про тебя тут, Плутовка, словечко молвили, – ответил мне Дженкс с потолка. – Ты теперь порченный товар.

– Я же просила так меня не называть! – заорала я, снова начиная барабанить в дверь.

Внутри послышалось, как заперли еще одну, внутреннюю дверь, и твяканье мистера Динки стало совсем глухим и неИСТОВЫМ.

– Прочь отсюда, – донесся до меня тонкий голосок. – Тебе здесь больше не жить.

Моя ладонь заныла, и я принялась ее массировать.

– Думаете, я не смогу платить за квартиру? – проорала я, ничуть не заботясь о том, что весь этаж меня слышит. – У меня есть деньги, чтобы вы знали, миссис Талбу! Вы не можете меня отсюда выкинуть! У меня с собой квартплата за месяц вперед! – Вытащив из черного конверта влажный чек, я помахала им перед дверью.

– Я сменила замок в твоей двери, – вывела тонкую трель миссис Талбу. – Убирайся отсюда, пока тебя не убили.

Не веря своим ушам, я воззрилась на дверь. Она уже узнала про угрозу ВБ? Вдобавок старая дева явно прикидывалась шлангом. У миссис Талбу прекрасно получалось докричаться до меня через стену, когда она считала, что моя музыка играет слишком громко.

– Вы не можете меня выселить! – отчаянно крикнула я. – У меня есть права.

– Мертвые ведьмы прав не имеют, – заметил Дженкс, пристроившийся у лампы дневного света.

– Черт побери, миссис Талбу! – завопила я. – Меня еще не убили!

Ответа не было. Я стояла перед дверью и по мере сил размышляла. Особого выбора на предмет места жительства у меня не имелось, и она это знала. Тогда я предположила, что смогу жить в своей новой конторе, пока чего-нибудь не подыщу. Такой вариант, как вернуться домой к мамушке, я даже не рассматривала, а с братом я не разговаривала с тех пор, как поступила на работу в ВБ.

– А как насчет моего залога? – поинтересовалась я, но за дверью продолжали молчать. Внутренне я уже начала гореть ровным, медленным пламенем. Такое могло продлиться несколько суток. – Миссис Талбу, – тихо сказала я. – Пока вы не отдадите мне излишек квартплаты за этот месяц и залог, я намерена сидеть у вас перед дверью. – Тут я сделала паузу и прислушалась. – Я намерена сидеть здесь, пока на меня не наложат заклятье. Прямо здесь я, вполне возможно, и рвану. На вашем ковре останется большое кровавое пятно. Это пятно вы в жизни своей не выведете. Вам придется каждый день глазеть на это большое кровавое пятно. Вы слышите меня, миссис Талбу? – Негромко и предельно люто осведомила я. – А мои ошметки так и останутся здесь на потолке. У вас в коридоре.

Из-за двери донеслось приглушенное оханье.

– Боже мой, Динки, – пропищала миссис Талбу. – Где моя чековая книжка?

Я взглянула на Дженкса и горестно улыбнулась. А он показал мне два больших пальца кверху.

Последовало какое-то шуршание, затем опять тишина и наконец ясно различимый звук рвущейся бумаги. Я задумалась, зачем старая дева прикидывалась шлангом. Все прекрасно знали, что она тверже окаменелого дерьма хищного динозавра и всех нас переживет. Даже Смерть не особо ее хотела.

– Я расскажу про тебя, бесстыдница! – крикнула из-за двери миссис Талбу. – Ты теперь во всем городе себе квартиры не снимешь.

Дженкс метнулся вниз, когда из-под двери выполз клочок белой бумаги. Секунду над ним повисев, феек молча мне кивнул, имея в виду, что все в полном порядке. Я подняла чек и прочла указанную там сумму.

– А как насчет моего взноса? – поинтересовалась я. – Хотите зайти со мной в мою квартиру и все там осмотреть? Убедиться, что в стенах нет дыр от гвоздей, а ковер не исчерчен рунами?

Послышалось глухое проклятие, затем опять шуршание и поскребывание, после чего из-под двери показался еще один клочок белой бумаги.

– Вон из моего здания! – проревела миссис Талбу. – Не то я на тебя мистера Динки спущу!
– Да-да, старая крыса, я тоже очень тебя люблю. – Я сняла со своего брелока ключ от квартиры и бросила его под дверь. Затем, по-прежнему разгневанная, но уже частично удовлетворенная, прихватила с пола второй чек.

Я направилась было к своим вещам, но резко сбавила ход, почуввав предательский запах серы. Плечи мои тревожно напрягались, пока я оглядывала свои пожитки, составленные вдоль стен. Все было заговорено. Я не могла ничего коснуться. О Господи. ВБ все-таки вынесла мне смертный приговор.

– Все эти вещи мне в соли не вымочить, – сказала я, услышав шелчок запирающейся двери.

– Я знаю одного парня со специальной кладовкой. – Голос Дженкса прозвучал необычно сочувственно, и я подняла глаза к потолку, складывая руки на груди. – Если я его попрошу, он все это для тебя уберет. А заговоры ты потом растворишь. – Феек поколебался, оглядывая мои музыкальные пластинки, кое-как сваленные в большой медный таз для заговоров.

Я кивнула, прислоняясь к стене и соскальзывая по ней до самого пола. Моя одежда, моя обувь, моя музыка, мои книги... вся моя жизнь!

– Ох, нет, – негромко выдохнул Дженкс. – Они заговорили твой диск «Лучшего у Такаты».

– Он с автографом, – прошептала я, и гудение его крылышек сделалось куда тише от расстройства. Пластик, скорее всего, вымачивание в соляном растворе переживет, а вот бумажная обложка будет непоправимо испорчена. Я подумала, не написать ли Такате, чтобы он выслал мне другую пластинку. Он вполне мог меня помнить. Однажды мы с ним провели по-настоящему дикую ночь, гоняясь за тенями на руинах старых биологических лабораторий в Цинциннати. Кажется, он даже песню про это написал. «Юный месяц встает над Цинни / Тени веры – дурные вакцины». Эта песня целых шестнадцать недель из первой двадцатки хитпарада не выходила. Я мрачно нахмурила брови. – А есть тут что-то, чего они не заговорили?

Приземлившись на телефонный справочник, Дженкс пожал плечами. Справочник был раскрыт на страничке с телефонами похоронных бюро.

– Замечательно. – Чувствуя неприятное сжатие в животе, я встала на ноги. Мои мысли резко вернулись к тому, что Айви прошлой ночью сказала про Леона Бейна. Мелкие кусочки ведьмака были разбрызганы по всему парадному. Я с трудом сглотнула. Домой я идти не могла. Как же мне теперь было откупиться от Денона?

Голова снова начала разламываться. Дженкс сел на мою серьгу, держа свой большой рот на замке, пока я брала картонную коробку и спускалась по лестнице. Так, теперь все по порядку.

– Как зовут твоего знакомого? – спросила я, когда мы спустились в прихожую. – Того, что со специальной кладовкой? Если я ему доплачу, может, он вдобавок мои вещи раствором обработает?

– Если ты ему расскажешь, как это делается. Он не ведьмак.

Я мучительно постаралась собраться с мыслями. Мобильник лежал у меня в сумочке, но аккумуляторная батарейка в нем сдохла. Зарядное устройство было где-то в моем магическом баракле.

– Я позвоню ему из конторы, – сказала я.

– У него нет телефона. – Дженкс слетел с серьги, порхая прямо у меня перед глазами. Пластырь у него на крылышке немного отклеился, и я подумала, не предложить ли мне фейку приладить его на место. – Он живет в Низинах, – добавил Дженкс. – Я сам его обо всем попрошу. А то он застенчивый.

Я было потянулась к дверной ручке, но вдруг заколебалась. Прижавшись спиной к стене, я слегка отодвинула в сторону выцветшую желтую занавеску и выглянула в окно. Запущенный

двор казался тихим под светом предвечернего солнца, пустым и недвижимым. Оконное стекло приглушало гудение газонокосилки и свист пронсящихся мимо машин. Плотно сжав губы, я решила ждать здесь, пока не услышу, как подъезжает автобус.

– Он любит наличные, – сказал Дженкс, опускаясь и вставая на подоконник. – Я приведу его в контору, когда он все твоё барахлишка в кладовку запрет.

– Ты имеешь в виду, все, что к тому времени само собой отсюда не денется? – спросила я, хотя и знала, что за сохранность моих вещей вряд ли стоило опасаться. Да, заговоры, особенно черные, обычно бывали специфичны к мишени, но кто мог знать? Ни один дурак не стал бы рисковать своей жизнью из-за моего дешевого скарба. – Спасибо, Дженкс. – Теперь выходило, что он уже дважды меня спас. Из-за этого я испытывала неловкость. И легкое чувство вины.

– Брось, Рэчел, мы же партнеры, – отозвался Дженкс, но мне это ни капли не помогло.

Натужно улыбаясь энтузиазму фейка, я поставила коробку на подоконник и стала дожидаться автобуса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В автобусе было тихо— как и в любом общественном транспорте, движущемся в эти часы по Низинам. Дженкс вылетел в окно вскоре после того, как мы переехали через реку и оказались в Кентукки. Он придерживался того мнения, что ВБ не станет садиться мне на хвост и брать меня за жабры в автобусе, при свидетелях. Я не была готова в это поверить, но и просить его остаться тоже не собиралась.

Я сказала водителю адрес, и он любезно согласился сообщить мне, когда мы туда прибудем. Человечек был совсем тощим, и выцветшая синяя униформа висела на нем как на скелете несмотря на ванильные вафли, которые он почти непрерывно запихивал себе в рот.

Большинство шоферов общественного транспорта в Цинциннати отлично уживалось с Внутриземцами, но не все. Человеческая реакция на нас бывала самой что ни на есть разнообразной. Некоторые нас боялись, некоторые нет. Некоторые хотели стать как мы, некоторые хотели нас убить. Немногие пользовались преимуществом более низкой налоговой ставки и жили в Низинах, но большинство так не поступало.

Вскоре после Поворота произошла неожиданная миграция, когда все люди, которые смогли себе это позволить, переехали в самую глубь городов. Тогдашние психологи назвали это «синдромом гнездования», и в ретроспективе по охватившее всю страну явление было вполне понятно. Тем временем Внутриземцы, привлеченные перспективой овладеть чуть большим клочком своей земли, не говоря уж о резком падении, цен на это жилье, охотно расхватывали собственность в предместьях.

Демография населения стала выравниваться лишь в последнее время, когда зажиточные Внутриземцы начали перебираться обратно в город, а менее удачливые и лучше информированные люди решили, что им куда приятнее будет жить в славном Внутриземном квартале, чем в дрянном человеческом. В общем и целом, однако, не считая небольшого района вокруг университета, люди жили в Цинциннати, а Внутриземцы — за рекой, в Низинах. Нас нисколько не коробило то, что большинство людей избегало наших кварталов примерно так же, как доворотных гетто.

Низины сделались подлинным бастионом Внутризем-ной жизни, на поверхности непри-нужденно-уютным, но имеющим уйму тщательно скрытых потенциальных проблем. Большинство людей поражалось тому, какими нормальными представляются Низины, что, если хорошенько об этом задуматься, имело свой резон. Наша история была неотделима от истории человечества. Мы не просто упали с неба в 1966-м году. Мы эмигрировали с острова Эллиса. Мы участвовали в Гражданской войне, а также в Первой и Второй мировых. Больше того, кое-кто из нас побывал на всех трех. Мы страдали в период Великой Депрессии. Мы не меньше всех прочих ждали, когда же наконец выяснится, кто действительно убил Джона Роберта Кеннеди.

Однако опасное различие все же существовало, и все Внутриземцы старше пятидесяти лет проводили ранний этап своей жизни под определенной личиной. Эта традиция сохранилась вплоть до сегодняшнего дня.

Дома в Низинах представляются скромными, выкрашенные в белый, желтый, а порой и в розовый цвет. Нет там никаких домов с привидениями, не считая замка под названием Земля Любви в октябре, когда его превращают в самый худший дом с привидениями по обе стороны реки. Всюду, как положено, имеются качели, плавательные бассейны, велосипеды на лужайках и припаркованные у тротуаров машины. Требуется острый взгляд, чтобы заметить расположенные шестиугольниками для отваживания черной магии цветы и забетонированные окна полуподвальных помещений. Дикая, беспощадная реальность расцветает лишь в самых глубинах города, где собираются люди и где идет буйство эмоций: в парках с аттракционами, танцевальных клубах, барах, церквях. Но. никогда в наших домах.

А еще в Низинах очень тихо – даже по ночам, когда все их обитатели не спят. Именно эта недвижимая стылость, которую люди первым делом здесь подмечают, больше всего делает их столь несдержанными и выпускает на волю их инстинкты.

Глазая из окна автобуса и пересчитывая черные, непроницаемые для света шторы, я почувствовала, как мое нервное напряжение постепенно спадает. Мир и тишина этого района словно бы просачивались в автобус. Даже немногие люди, которые в нем ехали, погрузились в неподвижность. В Низинах что-то такое словно бы всегда говорило: «Здесь дом».

Мои волосы качнулись вперед, когда автобус внезапно затормозил. Сидевший позади парень, вставая, задел мое плечо, и я нервно дернулась. Громко стуча ботинками, он спустился по ступенькам и вышел на солнце. Шофер сказал, что моя остановка – следующая. Я поднялась и стала ждать, пока этот любезный мужчина громыхал по боковой улочке, чтобы высадить меня прямо у нужного дома. Я вышла из автобуса в пятнистую тень, прижимая к себе коробку и стараясь не вдыхать выхлопные газы, пока автобус укатывал прочь. Вскоре он исчез за углом, забирая с собой шум и последние остатки человеческого присутствия.

Понемногу становилось все тише. Стало слышно птичье щебетание. Где-то неподалеку кричали дети – нет, скорее вопили. Лаяла собака. Начертанные разноцветными мелками руны украшали тротуар. Мне тупо улыбалась брошенная кем-то из детей клыкастая кукла. На другой стороне улицы стояла небольшая каменная церковка, шпиль которой поднимался высоко над деревьями.

Я резко развернулась, разглядывая снятое Айви здание: одноэтажный дом, который можно было с легкостью превратить в контору. Крыша казалась новой, но штукатурка с дымовой трубы всю осыпалась. Спереди имелся газончик, и его, как будто, не далее как на прошлой неделе стригли. Там даже был гараж, распахнутая дверь которого демонстрировала ржавеющую газонокосилку.

«Самое то», – подумала я, открывая воротца в окольцовывающей двор ограде из железной цепи. Пожилой негр сидел на крыльце, отдыхая в кресле-качалке. «Домовладелец?» – с улыбкой задумалась я. Затем я стала прикидывать, не вампир ли он, поскольку от предвечернего солнца его глаза защищали темные очки. Пусть даже чисто выбритый, выглядел он как-то неряшливо. Плотные кудряшки его волос седели на висках. На ботинках у негра и даже вроде бы на коленях его синих джинсов виднелась грязь. Вид у него был порядком усталый и измученный. Вдобавок он напоминал списанного на мыло рабочего коня, который по-прежнему отчаянно хочет пропахать хотя бы еще один полевой сезон.

Пока я шла по дорожке, старый негр поставил на перила высокий бокал.

– Нет, не надо, – прохрипел он, снимая темные очки и засовывая их в карман рубашки.

Колеблясь, я стала приглядываться к нему с нижней площадки лестницы.

– Простите, чего вам не надо? Старик принялся звучно откашливаться.

– Да того, что ты там из своей коробки продаешь.. Не надо. У меня уже хватает всяких чертовых свечей, леденцов на палочке и журналов. И у меня нет денег на новую обшивку для дома, водоочиститель или солярий.

– Я ничего не продаю, – сказала я. – Я ваша новая жилица.

Негр сел прямее, отчего вид у него почему-то стал еще неопрятнее.

– Жилица? А, так тебе через дорогу. Смущенная, я переставила коробку на другое бедро.

– Но ведь это Оакстафф, дом номер 1597, разве не так?

Старик усмехнулся.

– Я же говорю – это через дорогу.

– Извините, что побеспокоила. – Я подняла коробку и повернулась к воротцам.

– Такие дела, – буркнул старик, и я помедлила, не желая быть невежливой. – На этой улице номера домов перепутаны. Четные там, где должны быть нечетные. И наоборот. – Он улыбнулся, и его глаза вмиг обросли морщинками. – Но меня не спрашивали, когда лепили

эти самые номера. – Негр протянул руку. – Моя фамилия Кизли, – сказал он, дожидаясь, пока я поднимусь по лестнице и обменяюсь с ним рукопожатием.

«Мы с ним соседи, – сказала я себе, закатывая глаза, но все же поднимаясь к крыльцу. – Лучше быть милой».

– Рэчел Морган, – сказала я, пожимая старику руку. Он засиял улыбкой, в отцовской манере похлопывая меня по плечу. Сила его рукопожатия была поразительной. Вдобавок от него исходил запах красного дерева. Этот негр явно был ведьмаком или по крайней мере колдуном. Не особенно порадованная его фамильярностью, я сделала шаг назад, как только он меня отпустил. У него на крыльце было прохладнее, а кроме того, я чувствовала себя сушей дылдой под низким потолком.

– Так ты подружка вампирши? – спросил старик, подбородком указывая на ту сторону улицы.

– Вы про Айви? Ага.

Он медленно кивнул, словно это было для него очень важно.

– И вы вместе уволились? Я вздрогнула.

– Быстро же здесь новости расходятся. Старик рассмеялся.

– Это точно. Особенно такие.

– А вы не боитесь, что меня прямо здесь, на крыльце, долбанут заговором, и вас вместе со мной заберут?

– Не-а. – Негр откинулся на спинку кресла-качалки и прихватил с перил свой бокал. – Этот заговор я с тебя снял. – Он показал мне зажатый между большим и указательным пальцами крошечный самодельный амулетик. Пока я удивленно раскрывала рот, старик уронил амулетик в бокал. То, что сперва показалось мне простым лимонадом, бурно вспенилось, и амулетик растворился. Заклубился желтый дым, и старик театрально помахал рукой. – Ох-х, дьявол, вот ведь пакость какая.

«Соленая вода?» – задумалась я. А негр лишь ухмыльнулся моему очевидному потрясению.

– Тот п-парень в автобусе... – с запинкой выговорила я, пятясь с крыльца. Желтый сернистый дым полз по ступенькам, словно пытаясь во что бы то ни стало до меня добраться.

– Рад был познакомиться, мисс Морган, – сказал старик, пока я ковыляла к озаренной солнцем дорожке. – Феек и вампирша сохранят тебе жизнь на несколько дней, но только если ты будешь более осторожна.

Я невольно обратила взгляд на улицу в поисках давно укатившего оттуда автобуса.

– Тот парень в автобусе... Кизли кивнул.

– Ты права в том, что они не станут ничего пробовать там, где есть свидетели. По крайней мере, так сразу. Но тебе придется внимательно следить за амулетами, которые тебе подsunут при свидетелях и приведут в действие, когда ты останешься одна...

Я совсем позабыла про амулеты замедленного действия. Но откуда Денон брал деньги? Я невольно поморщилась при мысли о том, что взятка Айви теперь финансировала мое убийство. Просто класс!

– Я весь день дома, – говорил тем временем Кизли. – Приходи, если захочешь поговорить. На улицу я уже особо не выхожу. Проклятый артрит замучил. – Он похлопал себя по колену.

– Спасибо, – сказала я. – За то, что вы этот амулет нашли.

– Да на здоровье, – отозвался старик, устремив пристальный взор на потолок крыльца и лениво крутящийся там вентилятор.

В животе у меня все буквально сжималось, пока я топала назад к тротуару. Как это понимать? Неужели весь город уже знал, что я уволилась? Или Айви поговорила со стариком?

Оказавшись на пустой улице, я особенно остро ощутила свою уязвимость. Тогда я торопливо перешла на ту сторону, высматривая номера домов.

– Один-пять-девять три, – пробормотала я, глядя на желтый домишко с двумя велосипедами на газоне. – Один-шесть-один-один, – вышло у меня, когда я посмотрела в другую сторону, на ухоженный кирпичный дом. Тут я недовольно поджала губы. Между ними была только та каменная церковка. Я оцепенела. Неужели церковь?

Вдруг что-то с громким гудением пронеслось мимо моего уха, и я невольно вжала голову в плечи.

– Привет, Рэчел! – Дженкс резко тормознул и опасно завис там, где мне его было не прихватить.

– Проклятье, Дженкс! – выкрикнула я, мгновенно смягчаясь, когда до меня донесся смех старого негра. – Прекрати так делать!

– С твоим барахлишком я дельце уладил, – сообщил Дженкс. – Велел ему все на доски поставить.

– Это церковь, – сказала я.

– В натуре, Шерлок Холмс. Но ты погоди, пока сад увидишь.

Я даже шагу не сделала.

Дженкс замер в воздухе, дожидаясь меня.

– Там позади огромный двор. Классные вечеринки можно устраивать.

– Дженкс, – выговорила я, скрипя зубами. – Это церковь. А задний двор – кладбище.

– Ну, не весь. – Феек нетерпеливо закачался. – И вообще это больше не церковь. Два последних года здесь дневной медпункт располагался. Со времен Поворота здесь уже никого не хоронили.

Я по-прежнему стояла, пристально на него глядя.

– А трупы отсюда убрали?

Дженкс прекратил трепыхаться и неподвижно завис.

– Ну конечно убрали. Думаешь, я совсем идиот? Думаешь, я живу там, где мертвые люди лежат? Боже упаси. От них же всякие сикарахи, болезни, вирусы. Их дерьмо просачивается в почву и потом буквально во все проникает!

Я покрепче ухватила за свою коробку, с тенистой улицы направляясь к широкой церковной лестнице. Дженкс даже не намекнул, каким образом с кладбища были убраны трупы. Серые каменные ступеньки выгнулись в середине от многих десятилетий использования. Они скользили у меня под ногами. Дальше были двойные двери выше моего роста, сработанные из красноватой древесины в металлическом переплете. К одной створке была привинчена табличка.

– «Дневной медпункт Донны», – прочла я надпись на табличке. А затем потянула на себя дверь, изумляясь усилию, потребовавшемуся, чтобы сдвинуть ее с места.

– Конечно же они убрали трупы, – сказал Дженкс, после чего вспорхнул над церковью. Я поставила бы сотню баксов на то, что он отправился на задний двор провести расследование.

– Айви! – крикнула я, пытаясь захлопнуть за собой дверь. – Айви, ты здесь? – Эхо моего голоса вернулось от пока еще незримого святилища. Выходил негромкий густой звук, словно бы приглушенный цветным стеклом. С тех пор, как умер отец, к церкви я подходила не ближе тех подсвеченных рекламных стендов с жеманными афоризмами, которые священнослужители ставят на передних газонах. В прихожей было темно – сплошь черные деревянные панели и никаких окон. В теплой недвижности помещения ясно ощущалось незримое присутствие прежней литургии. Я поставила коробку на деревянный пол и прислушалась к зелено-янтарной тишине, выплывающей из святилища.

– Стой на месте! – донесся до меня далекий крик Айви. Крик показался мне почти радостным, но откуда он, черт побери, исходил? Голос Айви словно бы шел сразу и отовсюду, и ниоткуда.

Затем раздался негромкий щелчок щеколды, и Айви выскользнула из-за панели. Узкая винтовая лесенка вилась у нее за спиной.

– У меня там совы на колокольне, – сказала Айви. Ее карие глаза еще никогда не казались мне столь оживленными. – Идеальная кладовка. Уйма полок и вешалок для просушки. Но там кто-то свои вещи оставил. Хочешь потом вместе со мной их перебрать?

– Айви, здесь же церковь.

Айви замерла. Скрестив руки на груди, она пристально на меня посмотрела, и лицо ее вдруг лишилось всякого выражения.

– А на заднем дворе лежат мертвецы, – добавила я. Тут она выпрямила спину и ушла в святилище. – Ты же сама с улицы надгробия видела, – продолжила я, следуя за ней.

Скамьи из бывшей церкви были убраны – как и алтарь. Осталось лишь пустое помещение со слегка приподнятым помостом. Панель из той же черной древесины, что и в прихожей, тянулась под высокими витражными окнами, которые не открывались. Над алтарем осталась выцветшая тень колоссального креста, который некогда там висел. Потолок был трехъярусным, и я внимательно оглядела голую древесину, размышляя о том, как нелегко будет зимой сохранить это помещение в тепле. Здесь не осталось ничего, кроме очищенного от всех прежних принадлежностей открытого пространства... однако именно эта голая пустота вдруг словно бы овевала меня миром и безмятежностью.

– И сколько все это будет стоить? – осведомилась я, вспомнив о том, что мне положено сердиться.

– Семь сотен в месяц – включая все коммунальные услуги, – тихо ответила Айви.

– Семь сотен? – Я удивленно заколебалась. Значит, моя доля составит триста пятьдесят баксов за однокомнатный замок чуть ли не в центре города? Неплохо. Совсем неплохо. Особенно раз там был двор. «Нет, не двор, – вспомнила я, и мое настроение снова испортилось. – Кладбище».

– Куда ты уходишь? – спросила я у Айви, когда она направилась прочь от меня. – Я же с тобой разговариваю.

– За чашкой кофе. Не хочешь? – Айви исчезла за дверцей, расположенной в торце приподнятого помоста.

– Итак, аренда дешевая, – сказала я. – Как раз об этом я и просила, но ведь это церковь! Нельзя же вести дела в церкви! – Кипя от негодования, я последовала за Айви мимо двух расположенных друг напротив друга туалетов с буквами «М» и «Ж». Дальше, за дверью по правую руку, оказалась довольно милая пустая комнатуха, где от пола и гладких стен отражалось эхо моего дыхания. Иитражное окно с изображением каких-то святых было приоткрыто и подперто палкой, пропуская внутрь свежий воздух. Снаружи вовсю переругивались воробьи. Создавалось ощущение, как будто некогда здесь была контора, которую затем видоизменили в спальню для одногодков. Пол в комнатухе был пыльный, зато его доски, несмотря на многочисленные царапины, казались исключительно крепкими.

Удовлетворенная, я заглянула за дверь по другую сторону коридора. Там стояла импровизированная кровать и открытые коробки. Прежде чем я успела увидеть больше, Айви захлопнула дверь прямо у меня перед носом.

– Там твои вещи, – сказала я, с удивлением на нее глаза.

Лицо Айви опять лишилось всякого выражения, и меня стало холодить так, как будто она давила на меня аурой.

– Я собираюсь оставаться здесь, пока не сниму себе где-нибудь комнату. – Она поколебалась, заправляя за ухо свои черные волосы. – А что, с этим проблемы?

– Нет, – негромко ответила я, медленно закрывая глаза. Ради любви к святой Филомене! Мне и самой теперь придется жить в конторе, пока я себе что-нибудь не найду. Открыв глаза,

я поразила странному выражению на лице Айви. Там ясно виделась смесь страха и... чего же еще? Предвкушения?

– Мне тоже придется здесь осесть, – сказала я. Ситуация мне сильно не нравилась, но другого выхода у меня не было. – Домовладельца меня выселила. И у меня с собой только та коробка, которую я у передней двери оставила, пока я со своего домашнего скарба заговор не сниму. ВБ опутала черным заговором все вещи у меня в квартире и чуть было не достала в автобусе. А благодаря моей домовладелице мне теперь в пределах города никто квартиры не сдаст. Денон поставил меня на яму из-за контракта, как ты и предвещала. – Я пыталась изгнать из своего голоса дрожь, но мне это не особенно удавалось.

Тот странный свет так и оставался у Айви в глазах, и я задумалась о том, не покривила ли она душой, сказав мне, что больше вампирством не балуется.

– Можешь занять пустую комнату, – подчеркнуто ровным голосом сказала Айви.

Я сдержанно кивнула. «Отлично», – подумала я, переводя дух. И так, меня угораздило поселиться в церкви – совсем рядом с трупами на заднем дворе – и со смертным приговором от ВБ в придачу. А напротив меня по коридору жила вампирша. Я стала прикидывать, заметит ли Айви, если я поставлю внутри крепкий затвор. А затем подумала, что вряд ли это будет иметь значение.

– Кухня вон там, – указала Айви, и я последовала за ней на аромат кофе. Стоило мне только завернуть в открытый сводчатый проход, как челюсть моя изумленно отвисла, и я опять забыла о том, что мне положено сердиться.

Кухня была размером с добрую половину святилища, представляясь настолько же славно оборудованной и современной, насколько святилище – ободраным и средневековым. Там повсюду был блестящий металл, сияющая хромировка и яркие лампы дневного света. Холодильник был просто колоссальным. В одном конце помещения стояла газовая плита с духовкой; другой занимали электроплита и вытяжка. А в самой середине располагался целый островок нержавеющей стали с пустыми полками внизу. Выше имелась полка, увешанная и уставленная всевозможной металлической кухонной утварью, мисками и сковородками. О такой кухне любая ведьма могла только мечтать. Надо же, теперь мне не придется стряпать еду и заговоры на одной и той же плите!

Не считая видавшего виды деревянного стола и стульев в углу, эту кухню словно бы доставили сюда напрямик из какого-нибудь выставочного павильона. Один конец стола был оборудован компьютером, широкоэкранный монитор которого неистово подмигивал сам себе, всюю предлагая мгновенно найти нужные ссылки и обеспечить самую наилучшую, совершенно бесперебойную связь с Интернетом. Это была дорогущая программа, и я удивленно подняла брови.

Открывая буфет возле раковины, Айви внушительно откашлялась. На нижней полке стояли три совершенно разные кружки. Больше в буфете ничего не было.

– Новую кухню здесь пять лет тому назад для отдела здравоохранения оборудовали, – сказала Айви, и мое внимание опять переключилось на нее. – Паства была не слишком велика, так что когда кухню закончили, выяснилось, что местные обитатели не могут ее себе позволить. Тогда они стали сдавать церковь. Чтобы попробовать рассчитаться с банком.

Бульканье разливаемого по кружкам кофе заполнило помещение, пока я пробегала пальцами по безупречному металлу центрального островка нержавеющей стали. На этой столешнице еще не побывало ни единого яблочного пирога или блюда с печеньем для воскресной школы.

– Они хотят вернуть себе церковь, – сказала Айви, выглядя исключительно стройной, когда она оперлась о металлическую столешницу, нежа в бледных руках кружку. – Но вымирание продолжается. В церковном плане, я имею в виду, – добавила она, перехватив мой настроенный взгляд. – Никаких новых прихожан. На самом деле все это очень грустно. А вот там гостиния.

Я не знала, что сказать, а потому держала рот на замке, следуя за Айви обратно в коридор, а затем через узкий дверной проход в самом его конце. Гостиная оказалась уютной, обставленной с таким вкусом, что я не сомневалась— все это были вещи Айви. Впервые после входа в церковку я столкнулась с мягкостью и теплотой— пусть даже все в гостиной было разных оттенков серого цвета. И окна здесь были не витражными, а простыми, стеклянными. Просто восхитительно. Я сразу же ощутила, как спадает мое напряжение. Айви прихватила откуда-то пульт, и гостиную заполнил полночный джаз. Пожалуй здесь было совсем не так плохо.

— Так ты говоришь, тебя чуть было не достали? — Айви бросила пульт на кофейный столик и устроилась в одном из пышных кресел серой замши возле пустого камина. — С тобой все хорошо?

— Угу, — с кислым видом призналась я, едва ли не по лодыжки утопая в огромном густом ковре. — А это все твои вещи? Один парень в автобусе меня задел и ухитрился сунуть мне амулет, которому полагалось сработать позднее. Чтобы не было никаких свидетелей и других жертв, кроме меня. До сих пор не могу поверить, что Денон всерьез об этом говорил. Ты была права. — Я всюю напрягалась, чтобы мой голос оставался ровным, и Айви не различила моего потрясения. Ладно, в конце концов я как-нибудь раздобуду деньги, чтобы рассчитаться за контракт. — Но мне повезло, и тот старикан, что живет через дорогу, этот амулет с меня снял. — Тут я подобрала со столика фотографию Айви рядом с золотистым ретривером. Она улыбалась во все зубы. Я с трудом подавила дрожь.

— Какой старикан? — быстро спросила Айви.

— Через дорогу. Он за тобой следил. — Я слегка опустила металлическую раму и поправила подушку на кресле напротив Айви, прежде чем сесть. Регулируемая мебель— как мило. Старые каминные часы негромко и утешно тикали. В одном углу стоял телевизор со встроенным CD-плеером. Айви явно во всей этой электронике разбиралась.

— Я привезу свои вещи, как только обработаю их раствором, — сказала я и тут же вздрогнула, подумав о том, как жалко будет смотреться мой скарб рядом с роскошными вещами Айви. — По крайней мере те, которые переживут обработку, — добавила я.

«Переживут обработку?»— внезапно подумала я, закрывая глаза и потирая ладонью лоб.

Айви поставила кружку себе на колени и принялась слегка ею покачивать, пролистывая какой-то журнал.

— Что такое?

— Амулеты, — почти простонала я. — ВБ наложила черный заговор на весь мой запас амулетов. Если окунуть их в соленую воду, чтобы снять заговор, им конец. А новых мне уже не купить. — Видя озадаченное лицо Айви, я скорчила гримасу. — Раз ВБ отоварила мою квартиру, наверняка ее сотрудники и в лавках побывали. Мне следовало бы прихватить с собой амулеты еще вчера, до увольнения, но я не подумала, что мой уход столько шороху наведет. Я думала, всем будет все равно. — Я рассеянно поправила абажур настольной лампы. Всем и впрямь было все равно, пока Айви вместе со мной не ушла. Окончательно угнетенная, я запрокинула голову и посмотрела на потолок.

— Я думала, ты уже знаешь, как заговоры готовить, — осторожно сказала Айви.

— Знаю, но в этом-то как раз вся и загвоздка. И где мне теперь брать сырье? — Я страдальчески закрыла глаза. Теперь мне придется самой делать все амулеты.

Послышался шелест бумаги. Подняв голову, я увидела, что Айви внимательно изучает свой журнал. На обложке там красовалось яблоко и Белоснежка. В кожаном корсете Белоснежки имелся разрез, демонстрирующий ее пупок. Капелька крови, точно самоцвет, поблескивала в уголке ее рта. Подобная деталь вкладывала новый смысл во всю эту историю с волшебным сном. Мистер Дисней был бы потрясен. Если, конечно, он сам не был Внутриземцем. Это бы многое объяснило.

— А ты не можешь просто купить все, что тебе нужно? — спросила Айви.

Я оцепенела, уловив в ее голосе намек на издевку.

– Могу, но все покупки придется вымачивать в соленой воде, чтобы убедиться, что с ними не нахимичили. От соли потом почти невозможно будет избавиться, и все окажется испорчено.

Испуская раздраженный вой, из камина вместе с облачком сажи вылетел Дженкс. Мне стало интересно, как долго он подслушивал в дымоходе. Приземлившись на коробку с бумажными салфетками, он очистил сажу со своих крылышек и стал похож на помесь стрекозы с миниатюрным котом.

– А, так мы еще и параноики, – сказал феек, отвечая на мой мысленный вопрос по поводу подслушивания.

– Пусть-ка ВБ тебя с ног до головы черной магией опутает. Сам тогда параноиком станешь. – Я возмущенно щелкнула пальцем по коробке, на которой он сидел, и Дженксу срочно пришлось взлететь.

Феек завис между мной и Айви.

– А что, Шерлок Холмс, ты еще сада не видела?

Я швырнула в Дженкса подушкой, от которой он с легкостью увернулся. Подушка попала akurat в лампу возле Айви. Не давая моему метательному снаряду упасть на пол, Айви непридуманно его подхватила. При этом она даже не оторвала глаз от журнала, не пролила ни капли кофе из кружки у себя на колене. Волоски у меня на загривке встали торчком.

– Не смей меня так называть! – рявкнула я, желая скрыть свою неловкость. Воспарив надо мной, Дженкс принял исключительно самодовольный вид. – А что? – ехидно поинтересовалась я. – В том саду не только трупы и сорняки?

– Очень может быть.

– В самом деле? – Пожалуй, осмотр сада мог стать первой славной вещью из всего, что приключилось со мной за сегодняшний день. Я встала и направилась к задней двери. – Идешь? – спросила я у Айви, протягивая ладонь к дверной ручке.

Ее голова так и осталась наклонена над страницей с роскошными фотографиями кожаных штор.

– Нет, – отозвалась Айви, явно не заинтересованная моим предложением.

Так вышло, что в заднюю дверь, а затем в сад за мной последовал Дженкс. Закатное солнце, на удивление сильное и горячее, делало запахи столь отчетливыми, словно оно вытягивало влагу из сырой земли. Где-то неподалеку явно росла рябина. Я сделала глубокий вдох. Так-так, еще береза и дуб. Совсем рядом, должно быть, шумно метались туда-сюда детишки Дженкса, гоняясь за желтой бабочкой над высаживаемыми холмами растительности. Грядки с растениями очерчивали стены церкви и каменную ограду. Двухметровая стена окружала весь земельный участок, тактично отделяя церковь от остального квартала.

Еще одна стена, достаточно низкая, чтобы через нее легко было переступить, отделяла сад от небольшого кладбища. Я прищурилась, подмечая среди высокой травы и надгробий кое-какие растения, но лишь те, что крепчали, произрастая среди мертвецов. Чем пристальней я приглядывалась, тем сильнее меня охватывал благоговейный страх. Сад был совершенно полон. Здесь имелись даже настоящие раритеты.

– Он идеален, – прошептала я, пробегая пальцами по участочку лимонного сорго. – Здесь есть все, что мне когда-либо требовалось. Но как все это сюда попало?

У меня за спиной внезапно раздался голос Айви.

– Если верить той старушке...

– Айви! – воскликнула я, резко разворачиваясь и видя, как она тихо и неподвижно стоит под янтарными пумами закатного солнца. – Прекрати так делать! – «Вампирша ползучая, – подумала я. – Мне бы тебе колокольчик на шею повесить».

Прикрывая ладонью глаза от почти пропадающего света, Айви отчаянно щурилась.

– Она сказала, что последний священник был ведьмаком. Он и разбил этот сад. Я могу вычистить пятьдесят баксов из аренды, если кто-то из нас все здесь в таком виде и сохранит.

Я оглядела только что найденный клад.

– Я о нем позабочусь.

Дженкс прилетел от грядки с фиалками. На его лиловых штанах остались пятна пылицы как раз в тон к желтой рубашке.

– Ручной труд? – осведомился он. – Когда у тебя такие ногти?

Я взглянула на идеальные красные овалы своих ногтей.

– Это не труд, это... это терапия.

– Все равно. – Тут Дженкс переключил внимание на своих детишек и стремительно помчался спасать бабочку, которую те уже до смерти загоняли.

– Как по-твоему, здесь есть все, что тебе нужно? – спросила Айви, разворачиваясь и направляясь обратно в дом.

– Почти все. Соль заговорить нельзя, так что весь ее запас, надо думать, в порядке. Но мне потребуется мой славный горшок для заговоров и все мои книги.

Айви на секунду остановилась.

– А я думала, что ведьме для получения лицензии требуется зубок знать, как варить зелья.

Тут я смутилась и нагнулась вырвать сорняк, выросший рядом с побегом розмарина. Никто не делал своих амулетов, если мог позволить себе их купить.

– Угу, – буркнула я, отшвыривая сорняк в сторону и вычищая грязь из-под ногтей. – Но у меня давно не было практики. – Я тяжело вздохнула. Похоже, все было не так легко, как казалось на первый взгляд. Айви пожала плечами.

– Разве их нельзя скачать из Интернета? Рецепты, я имею в виду.

Я искоса на нее глянула.

– Доверять сведениям из Интернета? Не думаю, что это удачная мысль.

– На чердаке какие-то книжки валяются.

– Ну да, конечно, – саркастически отозвалась я. – «Сто заклинаний для начинающего».

В каждой церкви есть экземпляр.

Айви вдруг застыла в неподвижности.

– Не будь так высокомерна, – проговорила она, и ее каряя радужка начала исчезать под расширяющимися зрачками. – Я просто подумала, что, раз один из священников был ведьмаком, он мог оставить здесь свои книги. Старушка сказала, что он сбежал с одной из молоденьких прихожанок. Вполне возможно, что он оставил свои вещи на чердаке. Просто на тот случай, если у него хватит духу вернуться.

Меньше всего мне хотелось, чтобы через коридор от меня спала разгневанная вампирша.

– Прости, – извинилась я. – Я обязательно пойду посмотрю. И если мне повезет, то когда я отправлюсь в сарай поискать пилу для изготовления амулетов, там окажется мешок соли, припасенной для посыпания передней лестницы в зимнюю пору.

Айви слегка вздрогнула, поворачиваясь взглянуть на сарайчик размером приблизительно с деревенский туалет. Миновав ее, я остановилась у порога.

– Идем? – позвала я Айви, твердо намеренная не позволять ей больше входить в вампирский настрой. Слишком уж меня это нервировало. – Или твои совы меня не тронут?

– Да. В смысле, нет, не тронут. – Айви прикусила губу. Пораженная столь человеческим жестом, я невольно подняла брови. – Они позволят тебе там побыть, только не очень шуми.

А я... я скоро туда приду.

– Ну ладно... – пробормотала я и пошла забираться на колокольню.

Как Айви и обещала, совы меня не тронули. Выяснилось, что на чердаке есть экземпляры всех книг, оставшихся в моей квартире, а также кое-что сверх того. Несколько книг были

такими старыми и ветхими, что буквально распадались на части. На кухне нашлась уйма медных горшков. Как заявила Айви, они, скорее всего, использовались для приготовления разных блюд с острым соусом «чили». И будучи герметичными для сохранения всего букета острого варева, эти горшки представлялись просто идеальными для заваривания чар. Меня настолько ошарашил и напугал гот факт, что я нашла в церкви и на участке буквально все, для меня необходимое, что, отправившись в сарай поискать пилу, я испытала великое облегчение, когда никакой соли там не оказалось. Там ее не оказалось, зато целый ее мешок стоял на полу в кладовке.

Все шло слишком уж гладко. Что-то определенно было не так.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Скрестив лодыжки, я сидела на древнем кухонном столе и покачивала ногами в пушистых розовых шлепанцах. Нарезанные овощи были приготовлены идеально, так и оставшись твердыми и хрусткими, и я принялась палочками для еды размешивать их в белой картонной коробочке, высматривая там еще немного курятины.

– Просто фантастика, – с полным ртом вкуснятины пробормотала я. Острая красная пряность жгла мне язык. Глаза заслезились. Ухватив стакан молока, я опорожнила его на треть. – Ух, как жарит, – сказал я, когда Айви подняла взгляд от такой же коробочки, зажатой в ее длинных пальцах. – Жуть берет, до чего остро.

Айви выгнула тонкие черные брови.

– Рада, что тебе нравится. – Она сидела за столом в том месте, которое заранее расчистила себе перед компьютером. Когда Айви заглядывала в свою коробочку типа «мыльница для бутербродов», ее волосы падали черной волной, полностью занавешивая лицо. Тогда Айви засовывала их себе за ухо, и мне становилось видно, как в процессе пережевывания медленно движется ее нижняя челюсть.

Мне хватало опыта обращения с палочками для еды, чтобы не выглядеть идиоткой, но Айви двигала своими с точностью просто исключительной. Кусочки еды отправлялись ей в рот предельно ритмично, даже некоторым образом эротично. Внезапно испытав неловкость, я отвернулась.

– А как это называется? – поинтересовалась я, зарываясь палочками в картонную коробочку.

– Курятина в красном карри.

– Именно так? – спросила я, и Айви кивнула. Я негромко пискнула. Мне попался еще один кусочек мяса. Карри буквально рванул у меня во рту, и я в темпе смыла его глотком молока. – А где ты раздобыла рецепт?

– У Пискари.

Мои глаза невольно расширились. Заведение «У Пискари» было комбинацией пиццерии и места вампирских сборищ. Очень вкусная еда в достаточно уникальной атмосфере.

– Так это от Пискари? – спросила я, хрустя побегом бамбука. – Не знала, что они что-то кроме пиццы на дом доставляют.

– Обычно они больше ничего и не доставляют. Гортанная нота в голосе Айви привлекла мое внимание, но когда я на нее посмотрела, мне показалось, будто она полностью поглощена, едой. Почувяв, что я застыла в неподвижности, Айви подняла голову и моргнула своими миндалевидными глазами.

– Моя матушка дала Пискари этот рецепт, – объяснила она. – Он специально для меня это блюдо готовит. Ничего особенного:

И Айви продолжила есть. Меня наполнило чувство неловкости, и я стала прислушиваться к стрекоту сверчков поверх дружного и негромкого поскребывания наших палочек. Мистер Фиш тем временем плавал в своей чаше на подоконнике. Мягкий, глухой шум ночных Низин почти заглушало ритмичное прокручивание моей одежды в стиральной машине, работающей на отжим.

Я не могла вынести мысли о том, чтобы завтра снова натянуть ту же самую одежду, но Дженкс сказал, что его друг сможет освободить мои шмотки от заговора никак не раньше воскресенья. Лучшее, что мне оставалось, это постирать то, что было на мне сегодня, и надеяться, что я не попадусь на глаза кому-нибудь из знакомых. Прямо сейчас я сидела в ночной рубашке и халате. И то, и другое мне одолжила Айви. Понятное дело, они были черные, но Айви сказала, что этот цвет замечательно мне идет. Слабый запах древесного пепла, которым

взяло от рубашки и халата, неприятным мне не казался, однако он, похоже, крепко ко мне пристал.

Мой взгляд опять упал на пустое место над раковиной, где следовало быть стенным часам.

– Как думаешь, сколько сейчас времени?

– Начало четвертого, – даже не взглянув на часы, ответила Айви.

Я порылась в своей картонной коробочке, с грустью обнаруживая, что съела все кусочки ананаса.

– Хорошо бы моя одежда уже была готова. Я так устала.

Айви закинула ногу за ногу и снова склонилась над обедом.

– Иди ложись. Твою одежду я вытащу. Я все равно раньше пяти не лягу.

– Да нет, я лучше останусь. – Я зевнула, прикрывая ладонью рот. – Мне же, как будто, не надо завтра рано вставать и идти на работу, – кисло закончила я. От Айви донеслось одобрительное хмыканье, и я стала куда медленней рыться палочками в своем обеде. – Айви, можешь попросить меня отвязаться, если это не мое дело, но почему ты вообще пришла в ВБ, если не хотела там работать?

Айви подняла удивленный взгляд. А затем ровным, предельно многозначительным голосом ответила:

– Я не хотела сердить мою матушку. – По лицу ее будто бы промелькнула боль, исчезая раньше, чем я смогла увериться в том, что это именно боль. – Мой папа не слишком рад моему увольнению, – добавила Айви. – Он сказал, что я должна была либо держаться до конца, либо убить Денона.

Напрочь позабыв про обед, я воззрилась на Айви, сама не зная, чему я больше дивлюсь – тому, что ее отец все еще жив, или его весьма творческому совету на предмет дальнейшего поведения Айви на службе.

– Но Дженкс сказал, что ты последняя живая представительница своего рода, – наконец разродилась я.

Айви очень неспешно и сосредоточенно кивнула головой. Ее карие глаза внимательно за мной наблюдали, пока она словно бы в медленном танце перемещала палочки от картонной коробочки к своим губам и обратно. Столь тонкая демонстрация чувственности застала меня врасплох, и я неловко заерзала на столе. Айви никогда так скверно себя не вела, когда мы работали вместе. Хотя, понятное дело, обычно мы заканчивали работу еще до полуночи.

– Мой папа мне не родной, – сказала Айви в промежутке между погружением палочек себе в рот и в коробку, и я задумалась, сознает ли Айви о том, насколько вызывающе-соблазнительно она выглядит. – По крови я действительно последняя представительница своего рода. По добрачному контракту все деньги моей матушки отходили мне. По крайней мере, так было раньше. Сейчас она просто в бешенстве из-за моего увольнения. Она желает, чтобы я нашла себе славного живого вампира высокой крови, обустроила свою жизнь. Чтобы мы с ним наштамповали как можно больше детишек и тем самым обеспечили ей уверенность в том, что ее живой род не прервется. Матушка убьет меня, если я загнусь, так и не родив ни одного ребенка.

Я понимающе кивнула. На самом же деле я ровным счетом ничего не понимала.

– Лично я пошла работать в ВБ из-за моего папы, – призналась я. И тут же смущенно переключила свое внимание на обед. – Он и сам работал в ВБ, в секретном отделе. Каждое утро он приходил домой и потчевал меня разными дикими рассказами про людей, которых он арестовал или которым помог. В его устах все звучало так восхитительно. – Я рассмеялась. – Про бумажную работу он даже никогда не упоминал. Когда папа умер, я подумала, что так я смогу стать к нему ближе, вроде как постоянно хранить его в памяти. Глупо, да?

– Нет.

Пережевывая морковку, я опять подняла взгляд.

– Я просто должна была что-то сделать. Я целый год наблюдала за тем, как моя матушка в кресле-качалке сидит. Она не сумасшедшая. Похоже, она просто отказывается поверить в то, что папы больше нет. Если с ней общаться, она все время говорит что-то вроде: «Я сегодня приготовила банановый пудинг. Твой отец его больше всего любил». Она знает, что он умер, но просто не может его отпустить.

Айви пристально смотрела в черное кухонное окно и, судя по всему, в свою память.

– Мой папа тоже вроде того. Он все время занимается тем, что помогает моей матушке перебиваться. Терпеть этого не могу.

Я аж жевать перестала. Немногие вампиры могли себе позволить остаться в живых после смерти. Одних только мер предосторожности против солнечного света и страхования ответственности вполне хватало, чтобы выселить большинство семей на улицу. Не говоря уж о постоянном обеспечении свежей крови.

– Я с ним почти не вижусь, – добавила Айви, переходя на шепот. – Знаешь, Рэчел, я этого просто не понимаю. У отца еще целая жизнь впереди, а он не позволяет матушке получать необходимую ей кровь от кого бы то ни было еще. Когда он не с ней, он лежит без чувств на полу от потери крови. Спасая ее от окончательной смерти, он убивает себя. Одному человеку мертвого вампира не обеспечить. И они оба это знают.

Разговор принял откровенно неловкий поворот, но я уже не могла его бросить.

– Быть может, он так поступает, потому что ее любит? – задумчиво предположила я.

Айви помрачнела.

– Какая же это любовь? – Медленно и изящно она скинула одну ногу с другой и встала. А затем с картонной коробочкой в руках исчезла в коридоре.

Внезапное безмолвие забарабанило мне по ушам. Я удивленно воззрилась на пустой стул. Айви ушла. Как она могла так просто взять и уйти? Ведь мы разговаривали. И разговор был слишком интересным, чтобы его бросать. Тогда я соскользнула со стола и со своим обедом в руках последовала за Айви в гостиную.

Айви с видом полной беззаботности развалилась в одном из серых замшевых кресел, положив голову на один толстый подлокотник, а ноги свесив с другого. Я неуверенно затопталась в дверях, застигнутая такой картинкой врасплох. Слишком уж Айви походила на львицу в берлоге, насытившуюся очередной жертвой. «Что ж, – подумала я, – она вампирша». Какого вида я еще от нее ожидали?

Напоминая себе, что Айви уже не практикующая вампирша и что мне не о чем беспокоиться, я осторожно пристроилась в кресле напротив нее. Нас разделял кофейный столик. Горела только настольная лампа, и по краям помещение тонуло в невнятных тенях. Еще светились огоньки электронного оборудования.

– Значит, идея пойти на работу в ВБ принадлежала твоему папе? – отважилась я начать.

Айви поставила белую картонную коробочку себе на живот. Явно не желая встречаться со мной глазами, она лежала на спине и лениво пережевывала побег бамбука, \ глядя при этом в потолок.

– Первоначально эта идея принадлежала моей матушке. Она хотела, чтобы я вошла в руководство. – Айви взяла еще один кусочек бамбука. – Предполагалось, что там мне будет приятно и безопасно. Матушка считала, что мне полезно будет перенять кое-какие навыки моей породы. – Она пожала плечами. – А я хотела стать агентом.

Сбросив шлепанцы, я подобрала под себя ноги. Затем, свернувшись в клубочек вокруг своей «мыльницы», стала наблюдать за тем, как Айви медленно вытягивает палочки изо рта. Большую часть высшего руководства в ВБ составляли немертвяки. Причину этого я всегда видела в том, что с такой работой легче было справляться, если у тебя не имелось души.

– Не то чтобы она могла меня остановить, – продолжила Айви, обращаясь к потолку. – Поэтому в наказание за то, что я поступаю по своей воле, а не по ее, матушка позаботилась о том, чтобы моим начальником стал именно Денон. – Смешок слетел с ее губ. – Она думала, что это очень скоро, меня достанет, и я перепрыгну на руководящий пост, как только он мне подвернется. Матушка даже предположить не могла, что я воспользуюсь своим наследством, чтобы рассчитаться за контракт. Кажется, я ей предельно наглядно показала, все, что я об этом думаю, – язвительно добавила Айви.

Я отпихнула в сторону крошечный початок кукурузы, желая добраться до ломтика помидора.

– Ты выбросила все свои деньги только потому, что тебе не нравился твой начальник? Мне он тоже не нравился, но...

Айви застыла. Сила ее пронзительного взгляда едва не вышибла из меня дух. От неприкрытой ненависти в этом взгляде слова буквально застряли у меня во рту.

– Денон– упырь, – проговорила Айви. Слова ее словно бы вытягивали из комнаты все тепло. – Если бы мне пришлось еще хотя бы один день сносить его понты, я бы ему глотку разорвала.

Я на секунду заколебалась.

– Упырь? – недоуменно переспросила я. – А я думала, он вампир.

– Он упырь. – Когда я никак на это не откликнулась, Айви резко скинула ноги на пол и села прямо. – Послушай, Рэчел, – раздраженным тоном продолжила она. – Ведь ты наверняка подмечала, что Денон не похож на вампира. У него человеческие зубы, разве не так? Он не может поддерживать ауру в полдень. А движется так громко, что его за милю слышать.

– Я не слепая, Айви.

Баюкая белую картонную коробочку, Айви смотрела прямо на меня. Ночной воздух, проходящий в окно, был слишком прохладным для поздней весны, и я поплотнее запахнула халат.

– Денон укусил немертвяк, – продолжила Айви. – Так в нем завелся вампирский вирус. Это позволяет ему проделывать пару-другую фокусов и казаться довольно милым. Могу себе представить, что Денон бывает страшен до чертиков, если ты позволяешь ему себя запугать, но на самом деле Денон просто чей-то лакей, Рэчел. Он всего лишь игрушка и всегда ею останется.

Раздался негромкий скрип, когда Айви поставила белую коробочку на кофейный столик между нами и подалась вперед, чтобы с легкостью дотягиваться до своего обеда.

– Даже если Денон умрет, и кто-то позаботится обратить его в немертвяка, он так и останется вторым сортом, – продолжила Айви. – Посмотри ему в глаза, когда и следующий раз с ним увидишься. Всякий раз, как Денон позволяет немертвякам от себя кормиться, ему приходится довольствоваться их устным заверением, что они обратят его в немертвяка, если потеряют над собой контроль и случайно его прикончат. – Тут она медленно перевела дух. – Наверняка он страшно боится.

Красный карри вдруг показался мне совершенно безвкусным. Чувствуя, как отчаянно колотится мое сердце, я стала искать ее взгляд, моля Бога о том, чтобы в ответ на меня посмотрела просто Айви, а не вампирша. Глаза ее по-прежнему оставались карими, но в них что-то такое было. Что-то очень древнее, чего я совершенно не понимала. В животе у меня все сжалось, и я внезапно потеряла всякую уверенность в себе.

– Не бойся упырей вроде Денона, – прошептала Айви. Ее словам вроде бы полагалось меня успокоить, но вместо этого кожа моя натянулась, а волосы на ней встали Торчком. – Бояться следует тварей куда более опасных.

«Вроде тебя?» – подумала я, но вслух этого не сказала. От вдруг повеявшей от Айви атмосферы скрытой Хищницы в голове у меня отчаянно затрещала тревожная сигнализация. Я подумала, что мне следует встать и уйти. Убрать свою тощую ведьмину задницу на кухню, где ей и место. Но тут Айви взяла со столика свой обед и откинулась на спинку кресла,

а мне не хотелось дать ей понять, что она до смерти меня пугает. Не то чтобы раньше не видела, как Айви проявляет свои вампирские замашки. Но только не за полночь. И не в ее гостиной, когда мы были наедине.

– Тварей вроде твоей матушки? – спросила я, надеясь, что я не слишком далеко захожу.

– Да, тварей вроде моей матушки, – выдохнула лени. – Вот почему я живу в церкви.

Тут мои мысли вернулись к крошечному крестик на моем новом браслете. Я никогда не уставала поражаться тому, как такая малость может остановить силу столь могущественную. Впрочем, живого вампира крестик никак бы не остановил – только немертвяка. Но я пользовалась всеми защитными средствами, какие мне только были доступны.

Айви пристроила каблук своих высоких ботинок на краю кофейного столика.

– Моя матушка уже около десяти лет была настоящей немертвячкой, – сказала она, пробуждая меня от мрачных мыслей. – Терпеть этого не могу.

Нешуточно удивленная, я не смогла не спросить, почему.

Айви каким-то неловким, нехарактерным для себя жестом отставила в сторону свой обед. На лицо ее напозла пугающая опустошенность, и она опять стала избегать моего взгляда.

– Мне было восемнадцать лет, когда умерла моя матушка, – прошептала Айви. Голос ее казался каким-то далеким, словно она даже не сознавала, что говорит.

– Пойми, Рэчел, она что-то такое утратила. Когда ты больше не можешь ходить под солнцем, ты теряешь что-то настолько неопределенное, что даже не можешь с уверенностью сказать, что именно. Но из матушки это ушло. Все выглядит так, словно она следует некоему образчику поведения, но не может вспомнить, почему. Матушка по-прежнему меня любит, но уже не помнит, почему она меня любит. Единственное, что хоть как-то ее оживляет, это очередной забор крови, и она на этот счет чертовски жестока. Когда она насыщается, я почти могу разглядеть мою матушку в том, что от нее осталось. Но долго это не длится. Ей почти всегда не хватает.

Тут Айви исподлобья на меня глянула.

– Ведь у тебя есть распятие, верно?

– Вот здесь, – с натушной веселостью отозвалась я. Я не должна была дать ей понять, что она жутко меня нервирует. Не должна. Подняв руку, я слегка потрясла ею, позволяя рукаву халата упасть до локтя и обнажить мой новый браслет с амулетами.

Айви опустила сапожки на пол. Я было расслабилась от ее не столь вызывающей позы, но она вдруг стала подаваться вперед над кофейным столиком. Затем рука Айви с нереальной стремительностью метнулась вперед, хватая меня за запястье раньше, чем я осознала об этом движении.

Я застыла, предельно четко ощущая тепло ее пальцев. Пока я боролась с сильнейшим желанием выдернуть руку, Айви внимательно изучала металлический амулет с деревянной инкрустацией.

– Он благословлен? – спросила она.

Похолодев лицом, я кивнула, и Айви меня отпустила, со зловещей медлительностью отодвигаясь назад. Казалось, я по-прежнему чувствую на себе закабаляющую твердость ее хватки, которая бы резко усилилась, попытайся я выдернуть руку.

– Мой тоже, – сказала Айви, вытаскивая из-под рубашки крест.

Вновь пораженная ее распятием, я отставила в сторону свой обед и подалась вперед. Я не смогла удержаться и протянула руку к кресту. Превосходно обработанное серебро буквально просило, чтобы его коснулись, и Айви гоже подалась вперед, чтобы я смогла получше изучить распятие. Наряду с традиционными благословениями там были выгравированы древние руны. Крест был просто прекрасен, и я задумалась, сколько ему может быть лет.

Внезапно я почувствовала у себя на щеке теплое дыхание Айви.

Не выпуская из руки ее распятия, я подалась назад. Глаза Айви были темными, а ее лицо невыразительным. Гам ровным счетом ничего не читалось. Напуганная, я перевела взгляд с лица Айви на ее крест. Я не могла просто его отпустить. Он бы ударил ее прямо в грудь. Но и можно его туда положить я тоже не могла.

– Вот, – сказала я, испытывая жуткую неловкость от пустого взгляда Айви. – Возьми.

Айви протянула руку и задела мою ладонь, забирая оттуда крест. С трудом сглотнув, я торопливо вжалась в кресло и поправила на себе черный Айвин халат, прикрывая ноги.

Двигаясь с провокационно-пленительной медлительностью, Айви сняла крест с цепочки. Серебряная цепочка Зацепилась за черную роскошь ее волос. Айви освободила полосы, и они упали мерцающим каскадом. Затем она положила крест на стол между нами. Металл громко щелкнул по деревянной столешнице. Айви тоже подобрала под себя ноги, свернулась калачиком в своем кресле и немигающими глазами пристально на меня уставилась.

«Проклятье», – во внезапной вспышке панического понимания подумала я. Айви явно до меня добиралась. Вот что прямо сейчас происходило. Как я могла быть так слепа?

Я стиснула зубы, пока мой разум отчаянно силился отыскать выход из положения. Я была гетеросексуалкой. Никаких иных мыслей на этот счет у меня даже никогда не мелькало. Мне нравились мужчины выше меня ростом и не слишком сильные, чтобы в порыве страсти я могла прижимать их лопатками к полу, если мне того хотелось.

– Послушай, Айви... – неуверенно начала я.

– Я родилась вампиршей, – негромко констатировала Айви.

Звук ее мрачного голоса пробежал у меня по спине, затыкая мне рот. Затаив дыхание, я заглянула в ее черные глаза. Я молчала, боясь, что это может толкнуть Айви на какие-то действия. Мне отчаянно не хотелось, чтобы она вообще что-либо делала. Что-то изменилось, и я уже не была уверена в том, что сейчас происходит.

– Мои родители были вампирами, – продолжила Айви. Хотя она не двигалась, я чувствовала, что напряжение в комнате все нарастает. Из-за этого напряжения я уже не слышала стрекота сверчков. – Я была зачата и рождена, прежде чем моя мать стала настоящей немертвячкой. Ты понимаешь, что это значит... Рэчел? – Слова Айви были медленными и точными, слетая с ее губ с негромким постоянством заученных псалмов.

– Нет, – отозвалась я, еле дыша.

Айви так наклонила голову, что обсидиановая волна ее волос заблестела в неярком свете. Теперь она наблюдала за мной из-за этой волны.

– Вирусу не пришлось ждать моей смерти, чтобы меня обработать, – сказала Айви. – Он сформировал меня еще в материнской утробе, давая мне понемногу от обоих миров, живого и мертвого.

Губы ее разделились, и я задрожала при виде ее острых зубов. Хотя отчаянно старалась не дрожать. Пот выступил у меня на пояснице, и, словно бы в ответ на это, Айви сделала глубокий вдох и задержала его в себе.

– Мне очень легко давить аурой, – сказала она, медленно выдохнув. – На самом деле весь фокус в том, как от этого удержаться.

Айви снова села прямо, и дыхание со свистом вышло у меня из носа. Услышав этот звук, Айви вздрогнула. Затем медленно и методично опустила на пол сапожки.

– Кроме того, хотя мои рефлексy не столь хороши, а моя сила не столь велика, как у настоящей немертвячки, и в том, и в другом я намного тебя превосхожу, – сказала она.

Я прекрасно все это знала. Вопрос о том, зачем Айви мне это рассказывает, десятикратно усилил мой страх. Отчаянно стараясь не показывать Айви своей тревоги, я заставила себя не вжаться еще глубже в кресло, когда она положила ладони на стол по обе стороны от креста и подалась вперед.

– Больше того, мне гарантировано обращение в немертвячку. Даже если я умру одна в широком поле, и вся кровь до последней капельки останется у меня внутри. Никаких забот, Рэчел. Я уже сейчас вечная. Смерть только сделает меня сильнее.

Сердце мое бешено колотилось. Я не могла оторваться от ее глаз. Проклятье. Все это было куда больше того, что мне хотелось узнать.

– А знаешь, что во всем этом самое лучшее? – спросила Айви.

Боясь, что мой голос меня подведет, я молча помотала головой. Я шла по лезвию ножа, желая узнать, в каком мире живет Айви, и в то же самое время стараясь туда Не угодить.

Глаза ее становились все более страстными. Не двигая туловищем, Айви приперла к столу сперва одно колено, Затем другое. Господи спаси и помилуй! Она буквально на меня надвигалась.

– Живые вампиры могут очаровывать людей– если захотят, – прошептала Айви. Мягкость ее голоса словно бы гладила мою кожу, пока волоски на ней не встали дыбом. Будь оно все проклято.

– Что толку в таких чарах, если они действуют только на тех, кто сам этого хочет? – спросила я, и собственный голос показался мне чудовищно грубым по сравнению с нежным голоском Айви.

Губы Айви опять разделились, показывая мне кончики ее зубов. Я не смогла отвернуться.

– Они годятся для великолепного секса... Рэчел.

– Ох-х. – Вот и все, чем я смогла на это ответить. А глаза Айви были уже полностью затоплены вожделением.

– И я унаследовала вкус моей матери к крови, – продолжила она, становясь коленями на разделяющий нас кофейный столик. – Примерно так же некоторые люди жаждут сахара. Не слишком удачное сравнение, но лучшего мне не придумать, если только ты... сама не попробуешь.

Айви резко выдохнула и всем телом устремилась вперед. От ее дыхания по мне начали одна за другой пробегать волны шока. Глаза мои широко распахнулись в смущенном недоумении, за которым я быстро распознала страстное желание. Что за дьявольщина творилась? Я всегда была твердой гетеросексуалкой. Почему же мне вдруг так захотелось потрогать ее мягкие волосы?

Мне только и требовалось, что поднять руку. Айви была в считанных дюймах от меня. Застыла. И ждет. В тишине я услышала, как колотится мое сердце. Этот звук эхом отражался у меня в голове. В ужасе я наблюдала за тем, как Айви отрывает пристальный взор от моих глаз и переводит его на шею– туда, где сейчас всю пульсировала жилка.

– Нет! – в панике вскричала я.

И принялась лягаться, задыхаясь от страха, когда вес Айви вдруг оказался на мне, придавливая меня к креслу.

– Нет, Айви, нет! – завизжала я. Я должна была из-под нее выбраться. Отчаянно напрягаясь, я набрала полные легкие воздуха, но все, что мне удалось, это испустить беспомощный крик. Как же я могла быть такой идиоткой? Ведь Айви вампирша! И всегда ею была!

– Рэчел... прекрати.

Голос Айви был ровным и спокойным. Одной рукой она схватила меня за волосы, запрокидывая мне голову, чтобы обнажить шею. Стало больно, и я услышала собственное хмыканье.

– Ты только все усугубляешь, – продолжила Айви, и я было принялась корчиться, но затем охнула, когда она еще крепче ухватила меня за запястье, и мне стало по-настоящему больно.

– Отпусти... – еле дыша, словно бы на бегу, выдохнула я. – Господи, помоги! Отпусти меня, Айви. Пожалуйста. Я этого не хочу. – Я уже ее умоляла. И ничего не могла поделать.

Меня терзал дикий страх. Я видела фотографии. Было больно. Боже мой, должно было стать намного больнее.

– Прекрати, – снова сказала Айви. В голосе ее слышалось напряжение. – Пойми, Рэчел. Я пытаюсь тебя отпустить, но ты должна перестать дергаться. Так все только хуже. Ты должна мне поверить.

Я опустила глаза, со свистом втянула в себя воздух и задержала его внутри. Затем перевела взгляд на Айви. Кроме ее лица, мне теперь почти ничего не было видно. Ее рот был в считанных дюймах от моего уха. В глазах вампириши было черным-черно, и голод этой черноты составлял пугающий контраст со спокойным голосом. Пристальный взор Айви был сосредоточен на моей шее. Капелька ее слюны упала на мою кожу.

– Господи, нет, – вздрогнув, прошептала я.

Тут Айви буквально затрепетала. Я ощутила дрожь во всем ее теле, которое теперь прижималось к моему.

– Рэчел. Прекрати, – опять повторила она. Ужас омыл меня черной волной, когда я слышала в этом голосе новое, паническое напряжение. Из меня вырвался хриплый выдох. Айви и впрямь отчаянно билась, силясь меня отпустить. И, судя по звуку, битву эту она проигрывала.

– Что мне делать? – прошептала я.

– Закрой глаза, – сказала Айви. – Мне потребуется твоя помощь. Не знала, что это будет так тяжело.

От этого голоса маленькой потерянной девочки у меня совсем пересохло во рту. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы закрыть глаза.

– Не шевелись.

Голос Айви был точно серый шелк. Напряжение так по мне и струилось. Тошнота сжимала живот. Я кожей чувствовала биение собственного пульса. Как показалось, я целую минуту недвижно пролежала под Айви, а все мои инстинкты там временем лихорадочно побуждали меня спастись бегством. Стрекотали сверчки, и слезы вытекали из-под моих трепещущих век, пока дыхание Айви омывало мою обнаженную шею.

Я невольно вскрикнула, когда Айви отпустила мои волосы. А потом хрипло задышала, чувствуя, как она от меня отрывается. До меня больше не доходил ее запах. Но я по-прежнему сохраняла полную неподвижность.

– Можно мне открыть глаза? – прошептала я.

Ответа не было.

Я открыла глаза, села в кресле и огляделась. В комнате я была одна. Затем до меня донесся еле слышный скрип закрывающейся двери святилища и быстрый стук каблучков Айви по тротуару. Наконец все затихло. Потрясенная до немоты, я сперва вытерла слезы с лица, а затем холодную слюну Айви с шеи. Глаза мои блуждали по комнате, не находя никакой теплоты в мягких сероватых тонах. Айви ушла.

Совершенно опустошенная, я встала, понятия не имея, что мне теперь делать. Я так крепко обхватила себя руками, что стало больно. Мысли мои вернулись к дикому ужасу и к вспышке страстного желания, что омыла меня в самом начале, мощной и пьянящей. Айви говорила, что может очаровывать только тех, кто сам этого желает. Она мне солгала? Или я действительно хотела, чтобы она пригвоздила меня к креслу и разорвала мне горло?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Косые лучи солнца больше не проникали в кухню, но там по-прежнему было тепло. Не настолько тепло, чтобы добраться до самых глубин моей души, но все же вполне комфортно. Я была жива. Все части моего тела и текучие среды остались в целостности и сохранности. В общем, был славный денек.

Я сидела у незамусоренного конца Айвиного стола, изучая самую измочаленную книгу из всех, которые я нашла на чердаке. Судя по дряхлости этой книги, ее вполне могли напечатать еще до Гражданской войны. О некоторых из упомянутых в ней заклинаниях я даже никогда не слышала. Чтение было необыкновенно увлекательное. Кроме того, признаюсь, возможность опробовать пару-другую новых заклинаний наполняла меня опасно-приятным возбуждением. Нигде во всей книге я не нашла ни намека на какие-либо темные практики, что бесконечно меня обрадовало. Вредить кому-то при помощи магии было подло и нечестно. Это шло вразрез со всем, во что я верила, да и вообще не стоило риска.

Все магическое имело свою цену, которая оплачивалась смертью в той или иной степени ее жестокости. Я была строго земной ведьмой. Моя сила нежно проистекала из земли через посредство растений, после чего увеличивалась за счет тепла, мудрости и ведьминой крови. Поскольку я имела дело исключительно с белой магией, вышеупомянутая цена оплачивалась прекращением жизни растений. С этим я вполне уживалась. Вдаваться в глубокие раздумья на предмет морального права убивать растения я была не намерена, иначе сходила бы с ума всякий раз, как собиралась подстричь газон возле дома моей матушки. Это вовсе не значило, что не существовало черных земных ведьм. Такие порой попадались. Однако черная земная магия включала в себя такие гнусные ингредиенты, как части тел и жертвоприношения. Одного только сбора материалов, необходимых для производства черного заклинания, вполне хватало, чтобы большинство земных ведьм оставались белыми.

Так называемые «лей-линейные» ведьмы, однако, составляли совсем другую историю. Они тянули свою силу, сырую и нефилтрованную, прямиком из ее источника – живых существ. Им также требовалась смерть, но эта смерть оказывалась более тонкой – медленной смертью души, причем совсем не обязательно их собственной. Смерть души, потребная белым лей-линейным ведьмам, была куда менее жестокой по сравнению с той, в которой нуждались ведьмы черные. Если проводить аналогию, то это был выбор между стрижкой газона и убийством коз у себя в подвале. Однако создание мощного заговора с целью причинить вред или совершить убийство оставляло определенную рану на существе самого создателя.

Черные лей-линейные ведьмы обходили такой вариант, спихивая расплату на кого-то другого. Обычно они внедряли ее прямиком в амулет и кому-нибудь его подсовывали. Над получателем амулета таким образом оказывался подвешен дамоклов меч двойного несчастья. Однако если эта персона была до безумия «чиста душой» или более могущественна, цена, хотя уже и не через амулет, возвращалась обратно к его создателю. Обычно говорили, что чем больше у тебя в душе черноты, тем легче демону против твоей воли втянуть тебя в череду непрерывных проблем.

«Такая чистая душа была у моего папы», – подумала я, рассеянно водя большим пальцем по странице. Я всем сердцем верила в то, что он до самого конца так и остался белым ведьмаком. Ему всякий раз требовалось находить себе дорогу назад, в реальность – даже если это могло стоить ему жизни.

Едва слышный звук внезапно привлек мое внимание. Я обернулась и оцепенела, увидев Айви в черном шелковом халате, прислонившуюся к дверному косяку. Воспоминания о прошлой ночи снова нахлынули, и в животе у меня все сжалось от страха. Моя рука невольно

поползла к шее. Тогда я сделала вид, что просто поправляю серьгу, одновременно притворяясь, будто внимательно изучаю лежащую передо мной книгу.

– Доброе утро, – осторожно сказала я.

– А сколько сейчас времени? – резким шепотом осведомилась Айви.

Я бросила на нее быстрый взгляд. Обычно идеально-гладкие волосы Айви были измяты от метания по подушке. Под глазами у нее виднелись темные круги, а овальное лицо выглядело слегка дряблым. Дневная апатия полностью лишила ее внешности коварно подкрадывающейся хищницы. В руке Айви сжимала книжку в кожаном переплете, и я задумалась, не стала ли для нее эта ночь такой же бессонной, как для меня.

– Уже почти два, – настороженно отозвалась я, ногой отталкивая подальше соседний стул, чтобы Айви не смогла сесть рядом. Сейчас она казалась в полном порядке, но я просто не знала, как мне с ней дальше себя вести. Да, у меня имелось распятие (которое, впрочем, никак бы Айви не остановило) и серебряный нож на лодыжке (толку от пего было немногим больше). Снотворный амулет на нее бы подействовал, но он лежал у меня в сумочке, а та висела на стуле, до которого не так легко было дотянуться. К тому же мне потребовалось бы добрых секунд пять, чтобы привести амулет в рабочее состояние. Хотя, если уж честь по чести, прямо сейчас от Айви не исходило совсем никакой угрозы.

– Я приготовила оладьи, – сказала я. – Они в твоей бакалее нашлись. Надеюсь, ты не против.

– Не против, – отозвалась Айви, шаркая черными шлепанцами по блестящему полу прямиком к кофейнику.

Налив себе чашку тепловатого варева, она прислонилась к столешнице и стала его потягивать. Желанный вексель исчез с ее шеи. Мне стало интересно, чего же такого Айви себе пожелала. И не имеет ли это какого-то отношения к событиям прошедшей ночи. – Ты одета, – прошептала она, оседая прямо перед компьютером на стул, который я туда отпихнула. – Давно ты уже не спишь?

– С полудня, – солгала я. Всю оставшуюся ночь я пролежала на кушетке в гостиной, прикидываясь спящей. Я решила, что мой день официально начнется, когда я снова переоблачусь в свою одежду. Не глядя на Айви, я перевернула желтоватую страницу. – Я смотрю, ты свое желание истратила, – осторожно пробурчала я. – И каким оно было?

– Не твое дело, – процедила Айви. Предостережение было более чем очевидным.

По-прежнему не поднимая глаз, я стараться дышать помедленней. В комнате повисло неловкое молчание, и я позволяла ему сгущаться, отказываясь его нарушать. Прошлой ночью я чуть было не ушла. Однако верная смерть вне защиты Айви перевесила возможную смерть от ее руки. Или все было не совсем так. Возможно, я хотела узнать, каково мне станет, когда она погрузит в меня свои острые зубы.

Впрочем, в эту сферу я свои мысли пускать категорически отказывалась. Верно, Айви до смерти меня напугала, но в свете дня она выглядела совсем по-человечески. Безвредной. Да будет позволено сказать, всего лишь слегка несдержанной молодой женщиной.

– Хочу, чтобы ты кое-что прочла, – сказала Айви, и я подняла взгляд, когда тонкая книжка, которую она держала в руках, со стуком легла на стол. На ее обложке не имелось никаких надписей, а все тиснение совершенно истерлось.

– Что это? – холодно поинтересовалась я, даже не протягивая к книжке руки.

Опустив глаза, Айви провела языком по сухим губам.

– Я очень сожалею насчет прошлой ночи, – сказала она, и в животе у меня опять все напряглось. – Вероятно, ты мне не поверишь, но меня она тоже очень напугала.

– Но все же не так, как ты напугала меня. – Целый год работы с Айви никак меня к прошедшей ночи не подготовил. Раньше я видела только профессиональную ее сторону. Я даже

не задумывалась, что вне службы Айви совсем другая. Я снова бросила на нее быстрый взгляд. Ну совсем как человек. Что ж, очень ловко, раз так.

– Я уже три года вампирством не занималась, – негромко сказала Айви. – Я просто не была готова... не понимала... – Тут она подняла голову. Взгляд ее карих глаз был умоляющим. – Правда, Рэчел, ты должна мне поверить. Я совершенно этого не хотела. Но ты все время посылала мне неправильные сигналы. Дальше ты испугалась, потом запаниковала, и все стало совсем скверно.

– Скверно? – переспросила я, решая, что гнев лучше, чем страх. – Да ведь ты мне чуть глотку не перервала!

– Я знаю, – взмолилась Айви. – Прости меня. Я правда этого не хотела.

Я всю старалась удержаться от дрожи при воспоминании о ее теплой слюне у меня на шее. Айви подтолкнула ко мне книжку.

– Я знаю, что мы можем избежать повторения прошлой ночи. Я хочу, чтобы у нас с тобой все получилось. Нет никакой причины, почему бы этому не получиться. За то, что я взяла одно из твоих желаний, я перед тобой в долгу. Если ты уйдешь, я не смогу защитить тебя от наемных убийц из вампиров. Ты ведь не хочешь умереть в их руках?

Я стиснула зубы. Нет. Я категорически не хотела умереть в руках вампира. Но в особенности того, который, убивая меня, станет просить прощения.

Оторвав глаза от хаоса на столе, я встретила ее взгляд. Айви сидела в своем черном халате и шлепанцах, выглядя не опасней губки для мытья посуды. Ее потребность в том, чтобы я приняла ее извинения, была настолько острой и очевидной, что казалась болезненной. Но я не могла этого сделать. По крайней мере, прямо сейчас. Я вытянула палец и чуть-чуть пододвинула к себе книжку.

– А что это?

– Э-э... гм... пожалуй, пособие для любовников, – неуверенно ответила Айви.

Я быстро перевела дух и отдернула руку, как будто книжка меня ужалила.

– Нет, Айви. Покорно благодарю.

– погоди, – сказала она. – Не торопись. Я не это имела в виду. Ты подаешь мне смешанные сигналы. Умом я понимаю, что ты не нарочно, но мои инстинкты... – Тут Айви нахмурила брови, – Это довольно стыдно и неловко, но вампирами, как живыми, так и мертвыми, движут инстинкты, приводимые в действие преимущественно... запахом, – извиняющимся тоном выговорила она. – Просто прочти про стимулирующие сигналы, хорошо? И больше их не подавай.

Я откинулась на спинку стула. Затем медленно подтянула к себе книжку, видя по переплету, какая она древняя. Айви говорила про инстинкты, но мне казалось, что более точным термином здесь был «голод». Лишь понимание того, как тяжело ей было признаться в том, что ею управляет что-то настолько глупое и нелепое, как запах, удержало меня от того, чтобы швырнуть книжку ей в лицо. Айви всегда гордилась своим самообладанием, и признание в подобной слабости больше сотни извинений убедило меня в том, что она действительно сожалеет о случившемся.

– Хорошо, – ровным тоном произнесла я, и Айви тут же одарила меня сдержанной улыбкой явного облегчения.

Затем Айви взяла оладью и подтянула к себе вечерний выпуск «Цинциннати Инквайрер», который я нашла у входной двери. В воздухе по-прежнему чувствовалось напряжение, однако начало было положено. Мне не хотелось покидать безопасное убежище церкви, но защита Айви была обоюдоострым мечом. В конце концов, она целых три года сдерживала свою жажду крови. Если она сломается, мне с таким же успехом можно будет считать себя трупом.

– «Советник Трент Каламак обвиняет ВБ в преступной халатности в связи со смертью своей секретарши», – вслух прочла Айви, явно стараясь сменить тему.

– Угу, – осторожно отозвалась я, кладя тонкую книжку на стопку своих книг по белой магии, чтобы прочесть ее позднее. Кончики пальцев тут же стали казаться мне грязными, и я вытерла их о джинсы. – Деньги – великая ночь. Там есть еще одна история про Трента Калама. Мол, с него сняли все подозрения в торговле «серой».

Айви ничего не сказала, в промежутках между укусами оладьи молча пролистывая страницы, пока она не добралась до той статьи.

– Нет, ты только послушай, – негромко сказала Айви затем. – Он говорит: «Узнав о двойной жизни миссис Бейтс, и испытал настоящее потрясение. Она всегда казалась мне образцовой служащей. Разумеется, я оплачу образование ее осиротевшему сыну». – Она испустила непсеселый смешок. – Как характерно. – И Айви взялась за комиксы. – А ты сегодня будешь с заговорами возиться?

Я покачала головой.

– Нет, я намерена отправиться в архив, прежде чем он закроется на выходные. Эта информация, – я щелкнула пальцем по газете, – бесполезна. Я хочу знать, что на самом деле произошло.

Айви отложила свою оладью и вопросительно подняла тонкие брови.

– Если я смогу доказать, что Трент торгует «серой», и сдать его в ВБ, – пояснила я, – они забудут про мой контракт. У них уже давно выписан ордер на его арест. – «А кроме того, так я смогу к черту-дьяволу убраться из этой церкви», – мысленно добавила я.

– Доказать, что Трент управляет торговлей «серой»? – Айви нахмурилась. – Никто даже не может доказать, что он человек, а не Внутриземец. Или наоборот. Благодаря своим деньгам Трент скользкий как лягушачьи сопли в дождливый день. За деньги нельзя купить невиновность, зато можно купить молчание. – Она отщипнула еще кусочек оладьи. В халате, с нечесаными волосами, Айви очень даже напоминала одну из моих соседок по комнате, которые порой бывали у меня в последние несколько лет. И это лишало меня присутствия духа. С восходом солнца все так изменилось.

– Вкусно, – сказала Айви, показывая мне оладью. – Вот что я тебе скажу. Я буду покупать бакалею, если ты станешь готовить обед. Завтрак и ленч я смогу делать сама, но вообще-то я не люблю готовить.

Тоже не слишком ценя более тонкие изыски кулинарного искусства, я выразила на лице понимание и одобрение, а только потом задумалась. Да, приготовление обеда будет отнимать время, зато мне не придется ходить по магазинам. Даже если бы Айви всего лишь предложила, чтобы я не рисковала своей жизнью из-за консервной банки с фасолью, это уже прозвучало бы классно. Кроме того, готовить я все равно собиралась, а готовить для нас двоих было проще, чем готовить только для себя.

– Конечно, – отозвалась я.

– Вот и поладили, – негромко подытожила Айви.

Я взглянула на часы. Было без двадцати два. Мой стул заскрипел по линолеуму, когда я встала, прихватывая себе еще оладью.

– Ладно, я пойду. Мне придется поймать машину. А то в этом автобусе просто ужасно.

Айви положила комиксы на ворох всякой всячины вокруг компьютера.

– ВБ не позволит тебе так просто туда войти.

– Вынуждена будет позволить. Там публичный архив. Никто не собирается кончать со мной на глазах у целой банды свидетелей, от которой потом придется откупаться. Слишком серьезный урон для прибыли, – с горечью закончила я.

Изгиб тонких бровей Айви яснее всяких слов поведал мне, что она в этом не убеждена.

– Послушай, – сказала я, стягивая со стула свою сумочку и принимаясь в ней рыться. – Я воспользуюсь, заговором маскировки, идет? И уйду при первом же признаке неприятностей.

Амулет, которым я помахала в воздухе, похоже, Айви удовлетворил. Однако, возвращаясь к своим комиксам, она пробурчала:

– Дженкса с собой возьмешь? На самом деле это был не вопрос, и я скорчила недовольную гримасу.

– Угу. Ясное дело. – Я уже слишком хорошо знала, что Дженкс – сушная достача с крыльшками. Однако, высунув голову в заднюю дверь и покричав его, я подумала, что славно будет иметь компанию, пусть даже и фейка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я забила в самый угол автобусного сиденья, стараясь позаботиться о том, чтобы никто не смог, заглянуть мне за плечо. Автобус был полон народа, а я не хотела, чтобы хоть кто-то узнал, что я такое читаю.

«Если ваш любовник-вампир насытился вами и больше не возбуждается, – прочла я, – попробуйте поносить какие-нибудь его вещи. Не следует слишком усердствовать. Вполне может хватить носового платка или галстука. Запах вашего пота на его вещах – это нечто, чему не может сопротивляться даже самый сдержанный из вампиров».

Отлично. Итак, ни в коем случае больше не надевать халат Айви или ее ночную рубашку.

«Зачастую даже просто совместная стирка вашей одежды оставляет достаточно запаха, чтобы ваш любовник знал о вашей к нему привязанности».

Замечательно. Стираем строго по отдельности.

«Если ваш любовник-вампир прямо в середине разговора отходит в более уединенное место, будьте уверены, что он вас не отвергает. Напротив, это приглашение. Боритесь изо всех сил. Возьмите с собой еду или выпивку, чтобы расслабить челюсти и выделить слюну. Не слишком заигрывайте. Красное вино давно вышло из моды. Лучше попробуйте яблоко или что-нибудь столь же хрусткое».

Проклятье.

«Не все вампиры одинаковы. Выясните, нравятся ли вашему любовнику постельные разговоры. Прелюдия может принимать самые разнообразные формы. Разговор о прежних узах и родословной непременно заденет чувствительную струнку и возбудит гордость, если только ваш любовник – не выходец из второсортного рода».

Будь оно все проклято! Я была потаскухой. Я была долбаной вампирской любовницей.

Закрыв глаза, я откинула голову на спинку сиденья. Чье-то теплое дыхание защекотало мне шею. Я резко вскинулась и повернула голову. Мой кулак пошел сам собой. И врезался прямоком в ладонь привлекательному мужчине. Тот рассмеялся звучному шлепку, умоляюще поднимая руки. Но меня остановил не этот жест, а легкое веселье в глазах мужчины, мягких и задумчивых.

– Страницу сорок девятую вы еще, случайно, не изучали? – спросил он, подаваясь вперед и кладя скрещенные руки на спинку моего сиденья.

Я озадаченно на него посмотрела, и улыбка мужчины стала еще более чарующей. Он был едва ли не слишком красив, сохраняя в приятных чертах своего лица какой-то юношеский пыл. Затем взгляд его соскользнул на книжку у меня в руке.

– Страница сорок девятая, – повторил мужчина, слегка понижая голос. – Клянусь, она вас в корне изменит.

Я нетерпеливо пролистнула книжку до нужной страницы. Ох ты боже мой. В этой книжке еще и иллюстрации имелись. Но затем я заколебалась, недоуменно прищуриваясь. Не присутствовал ли там кто-то третий? И что за дьявольщина была привинчена к стене?

– Вот так, – сказал мужчина, протягивая руку через сиденье и поворачивая книжку. От него пахло чистым лесным одеколоном. Запах одеколona был так же приятен, как его непринужденный голос и мягкая ладонь, ненароком коснувшаяся моей руки. Мужчина казался классическим вампирским лизоблюдом: прекрасно сложенный, одетый в черное и одержимый пугающей потребностью нравиться.

Не говоря уж о его явном пренебрежении к чужому личному пространству.

Я оторвала от него пристальный взор, когда мужчина похлопал ладонью по книжке.

– Ой! – невольно воскликнула я и с жаром захлопнула свое чтиво. На иллюстрации было изображено две персоны. Три, если считать ту, которая была с... в общем, неважно, с чем.

Я невольно подняла глаза на мужчину.

– Вы это пережили? – спросила я, не очень хорошо понимая, следует мне поражаться, пугаться или смущаться.

Во взгляде его вдруг засветилось чуть ли не благоговение.

– Да. Две недели я не мог шевелить ногами, но несколько об этом не жалею.

Чувствуя, как отчаянно колотится мое сердце, я зачихнула книжку обратно в сумочку. Мужчина с чарующей улыбкой поднялся и заковылял к выходу. Я не смогла не заметить, как он хромотает, Меня удивляло, что он вообще может ходить. Бездонные глаза мужчины не отрывались от меня, пока он спускался по лесенке.

С трудом сглотив, я заставила себя отвернуться. Затем любопытство все же взяло надо мной верх. Даже не дождавшись, пока все выйдут из автобуса, я снова вытащила книжку Айви из сумочки. Холодными пальцами я раскрыла ее на нужной странице и, не обращая внимания на иллюстрацию, прочла мелкий шрифт под радостной инструкцией «Как это делается». Лицо мое похолодело, а в животе сжался комок.

Мелким шрифтом было напечатано предупреждение не позволять любовнику-вампиру тебя на это толкать, если только тебя уже по меньшей мере три раза не укусили. В ином случае у тебя в организме не окажется достаточно вампирской слюны, чтобы подавить болевые рецепторы и одурочить твой мозг, заставляя его принять боль за удовольствие. Там даже имелись инструкции на тот счет, как /держаться от потери сознания, если в тебе действительно не оказалось достаточного количества вампирской слюны и ты испытываешь мучительную боль. Судя по всему, если кровяное давление падало, вместе с ним резко снижалось удовольствие твоего любовника-вампира. Однако там не было ни слова о том, как заставить его остановиться.

Закрыв глаза, я расслабилась и позволила своей голове глухо удариться об оконное стекло. Болтовня входящих пассажиров заставила меня снова открыть глаза, и я вздрогнула, рассеянно переводя взгляд на тротуар. Тот мужчина по-прежнему там стоял, внимательно за мной наблюдая. Меня вдруг охватил озноб, и я вся сжалась, прижимая сцепленные руки к груди. Мужчина улыбался с таким видом, как будто его пах не был аккуратно разрезан и как будто вампир не вытянул оттуда всю кровь, словно бы причащаясь. Он тогда получил наслаждение. Или так ему, по крайней мере, показалось.

Мужчина поднял три пальца в бойскаутском приветствии, приложил их к губам и выдул мне поцелуй. Автобус резко дернулся, отправляясь дальше по маршруту, и вампирский лизоблюд побрел прочь. Самый низ его пыльника мерно покачивался.

Глазая из окна, я испытывала тошноту. Неужели Айви когда-либо в чем-то подобном участвовала? Может статься, она случайно кого-то убила. Очень может быть, она именно поэтому больше не вампирствует. Пожалуй, мне следует ее об этом спросить. Хотя наверняка лучше держать рот на – замке, чтобы я смогла спать по ночам.

Закрыв книжку, я стала заталкивать ее на самое дно сумочки– и вздрогнула, когда из нее вдруг выскользнул листок бумаги с телефонным номером. Затем я скомкала бумажку и зачихала ее вместе с книжкой как можно дальше. Подняв взгляд, я увидела, что Дженкс уже закончил свою болтовню с водителем и летит обратно ко мне.

Феек приземлился на спинку переднего сиденья. Если не считать кричаще-красного пояска, он теперь был одет во все черное – свою рабочую одежду.

– Новые пассажиры никаких заговоров на тебя не нацелили, – радостно сообщил Дженкс. – А тому парню что было надо?

– Ничего. – Я отчихнула воспоминание о той иллюстрации далеко на задворки своего разума. Где Дженкс валандался прошлой ночью, когда Айви на меня надела? Вот что мне хотелось узнать. Я бы, конечно, его спросила, по меня терзал страх получить в ответ его заверение том, что в событиях прошлой ночи виновата была исключительно я сама.

– Нет, правда, – настаивал Дженкс. – Чего он хотел?

Я внимательно на него посмотрела.

– Нет, правда. Ничего. А теперь отвяжись, – сказала я, благодаря судьбу за то, что я уже нахожусь под маскировочным заговором. Я категорически не желала, чтобы мистер Сорок Девятая Страница как-нибудь встретил меня на улице и узнал..

– Хорошо-хорошо, – сказал Дженкс, перелетая на Мою серьгу. Он негромко гудел «Незнакомцев в ночи», и я тяжело вздохнула, понимая, что теперь эта песня будет несъесть день крутиться у меня в голове. Затем я достала из сумочки зеркальце и притворилась, будто привожу в порядок свою прическу, позаботившись о том, чтобы по меньше мере дважды как бы ненароком задеть серьгу, на которой сидел Дженкс.

Теперь я не была брюнеткой с длинным носом. Сзади мои каштановые волосы были забраны резинкой в конский хвост. Длинными и выющимися они, впрочем, так и остались. Не все можно было с одинаковой легкостью заговорить. Моя джинсовая куртка была вывернута наизнанку, представляя цвет пейсли с цветочным рисунком. На голове у меня красовалась кожаная кепочка «харлей-дэвидсон». Как только я снова увижу Айви, мне придется с множественством извинений вернуть ей эту кепочку, и больше никогда ее не надевать. После всех моих просьб и стенаний прошлой ночью не было ничего удивительного в том, что Айви ее обронила.

Автобус въехал в тень высоких зданий. Моя остановка была следующей, так что я собрала свои вещи и пошла к выходу.

– Мне придется раздобыть себе какое-то транспортное средство, – сказала я Дженксу, стоя на тротуаре и внимательно озирая улицу. – Возможно, мотоцикл, – проворчала я, так подгадывая время, чтобы мне не пришлось коснуться стеклянной дверной панели на входе в вестибюль архивного здания ВБ.

От моей серьги донеслось презрительное фырканье.

– Только не мотоцикл, – посоветовал Дженкс. – С ним слишком легко нахимичить. Держись общественного транспорта.

– Я могла бы ставить его внутри, – запротестовала я, нервно разглядывая немногочисленную публику в маленьком вестибюле.

– Ты просто не сможешь на нем ездить, Шерлок Холмс, – саркастически отозвался Феек. – У тебя шнурок развязался.

Я опустила взгляд. И правда, развязался.

– Спасибо, Дженкс. Очень смешно.

Феек что-то пробормотал, но я его не расслышала.

– Да нет, – нетерпеливо буркнул он затем. – Я имел в виду, притворись, что завязываешь шнурок, пока я посмотрю, насколько тебе здесь безопасно.

– А-а. – Я послушно подошла к угловому стулу и принялась завязывать шнурок. Мне едва удавалось уследить за Дженксом, пока он зависал над немногими агентами, которые здесь болтались. Феек старательно вынюхивал нацеленные на меня заговоры. Выбранное мной время было просто идеальным. Сегодня, в субботу, архив был открыт лишь для порядка, и всего лишь на несколько часов. Тем не менее некоторые сотрудники этого учреждения сюда пришли: сбросить информацию, обновить файлы, скопировать материалы. Все они старались произвести благоприятное впечатление тем, что работают в выходной.

– Пахнет нормально, – сказал Дженкс по возвращении. – Не думаю, что тебя здесь ждали.

– Вот и хорошо. – Чувствуя себя сверх меры самоуверенно, я зашагала к переднему столу. Мне повезло. Сегодня работала Меган. Я приветливо ей улыбнулась, и глаза ее удивленно расширились. Затем она быстро потянулась поправить очки. Эти очки в деревянной оправе были специально заговорены, чтобы видеть насквозь почти все. Стандартный выпуск для служащих ВБ. Тут позади меня что-то пришло в стремительное движение, и я резко остановилась.

– Шухер, женщина! – заорал Дженкс, но было уже слишком поздно. Кто-то меня задел. Один лишь инстинкт спас меня от падения, когда чье-то копыто скользнуло мне между ног,

чтобы меня опрокинуть. В панике я развернулась и присела. Похолодев лицом, я приготовилась к самому худшему.

Там был Фрэнсис. «Какого Поворота ему здесь надо?» – подумала я, опять выпрямляясь, когда он схватился руками за живот и стал надо мной потешаться. Мне не следовало брать с собой сумочку. Но я не ожидала увидеть кого-то, кто смог бы узнать меня под маскировочным разговором.

– Атасная кепка, Рэчел, – почти выл Фрэнсис, снова поднимая воротник своей вульгарной рубашки. В его тоне слышалась отвратительная смесь бравады и рассеивающегося испуга после того, как я чуть было на него не накинулась. – Послушай, я вчера шесть квадратных футов в конторском бассейне купил. У тебя никак не получится подохнуть завтра от семи вечера до полуночи?

– А почему ты сам меня не угрожаешь? – презрительно осведомилась я. Либо у этого мужчины совсем не было никакой гордости, либо он сам не понимал, как нелепо и смешотворно он выглядит. Один кроссовок Фрэнсиса развязался, а прядь его тонких волос выбилась из укрепленной разговором прически. И откуда у него в такую рань уже щетина? Должно быть, он ее себе аэрозольным баллончиком нарисовал.

– Если я стану тобой заниматься, я опоздаю. – Фрэнсис принял свой более обычный вид превосходства, в общении со мной совершенно бесполезный. – У меня нет времени с мертвыми ведьмами разговаривать, – сказал он. – Перед встречей с членом городского совета Трентоном Каламаком мне надо проделать кое-какое исследование. Знаешь, что такое исследование? Сама когда-нибудь чем-то таким занималась? – Фрэнсис презрительно фыркнул. – Я, по крайней мере, не слышал.

– Иди-ка ты, Фрэнсис, кому другому лапшу на уши вешай, – негромко проговорила я.

Фрэнсис оглядел коридор, ведущий в помещение архива.

– О-о, – протянул он затем. – Как страшно. Знаешь, тебе лучше прямо сейчас отсюда уйти. Тогда у тебя еще останется слабая надежда вернуться в свою церковь живой и здоровой. Если Мег не подаст сигнал о том, что ты здесь, я сам это сделаю.

– Кончай мне подножки ставить, Фрэнсис, – сказала я. – Ты уже начинаешь по-настоящему меня сердить.

– Еще увидимся, Рэчел, деточка. Рад буду прочесть твой некролог. – Смех Фрэнсиса был слишком писклявым.

Я одарила его испепеляющим взглядом, и Фрэнсис поставил свою вычурную подпись в регистрационной книге, что лежала перед Меган. Затем повернулся и одними губами произнес:

– Беги, ведьма, беги.

Наконец, достав из кармана мобильный телефон, доносчик ткнул там несколько кнопок и мимо темных помещений для важных персон зашагал к помещению архива. Меган виновато вздрогнула, пропуская его за ворота.

Я медленно закрыла глаза. А когда опять их открыла, то подняла руку, прося Меган немного подождать, уселась на один из стульев в вестибюле и принялась рыться у себя в сумочке, словно бы что-то ища. Дженкс сел ко мне на сергу.

– Идем отсюда, – тревожным тоном сказал он. – Вечером вернемся.

– Ага, – согласилась я. То, что Денон заговорил мою квартиру, было простой достачей. Посылать целую бригаду наемных убийц было слишком дорого. Я такого не стоила. Но к чему было рисковать?

– Послушай, Дженкс, – прошептала я. – Ты сможешь так пробраться в помещение архива, чтобы камеры тебя не засекли?

– Конечно смогу, женщина. Всюду проникать – это как раз то, что у фейков лучше всего получается. «Смогу я мимо камер пробраться?» – спрашивает она. Да ты хоть знаешь, кто их техобслуживанием занимается? Так я тебе скажу. Фейки, вот кто. А имеем мы с этого хоть

грамм уважения? Не-е-ет. Все уважают верзилу-ремонтника, который мозолит свою крепкую задницу рядом со стремянкой, ведет грузовик, открывает ящик с инструментами, пончики себе в пасть закидывает. Но разве он реально хоть когда-нибудь что-то делает? Не-е-е...

– Вот и славно, Дженкс. Заткнись и слушай. – Я взглянула на Меган. – Слетай и посмотри, какие документы смотрит там Фрэнсис. Я подожду тебя, сколько смогу. Но при первом же признаке угрозы мне придется уйти. Ты ведь сможешь отсюда домой добраться?

Дженкс так возмутился, что от его крылышек пошел ветерок, и выбившаяся прядь волос защекотала мне щеку.

– Доберусь, не сомневайся. А ты не хочешь, чтобы я малость его фейканул, пока я там буду?

Я удивленно подняла брови.

– Фейканул? Ты что, правда так можешь? А я думала, все это... гм... просто сказки.

Дженкс воспарил передо мной. Его крошечная физиономия была полна самодовольства.

– Я ему чесотку устрою. Это второе, что у фейков лучше всего получается. – Тут он заколебался, проказливо ухмыляясь. – Нет, пусть будет третье.

– Ладно, пусть будет третье, – с вздохом сказала я, и Дженкс неслышно поднялся на своих стрекозиных крылышках, изучая камеры. Он немного повисел, дожидаясь нужного их поворота, а затем выстрелил напрямик к потолку и помчался по коридору мимо контор к двери в помещение архива. Если бы я специально не наблюдала, я бы нипочем не заметила его отбытия.

Я достала из сумочки авторучку, потуже затянула свой конский хвост и зашагала напрямик к Меган. Массивный стол красного дерева полностью разграничивал вестибюль и незримые конторы по ту его сторону. Этот стол представлял собой последний бастион, что отделял посетителей от работников, занимавшихся будничным и кропотливым архивным трудом. Отзвук женского смеха просочился из открытого сводчатого прохода за спиной у Меган. По субботам здесь никто особо работой не занимался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.